

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

СЕРДЦЕ

ЯРОСТНОЕ

И

РАЗБИТОЕ

18+

БРИДЖИТ КЕММЕРЕР

Young Adult. Проклятие Эмберфолла

Бриджит Кеммерер

Сердце яростное и разбитое

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Кеммерер Б.

Сердце яростное и разбитое / Б. Кеммерер — «Эксмо»,
2020 — (Young Adult. Проклятие Эмберфолла)

ISBN 978-5-04-111634-7

Завоевать корону – спасти королевство. Проклятие разрушено. Принц Рэн обрел свободу, но потерял верного союзника – командор Грей бесследно исчез. И теперь Рэну предстоит в одиночку защищать собственную корону, ведь ходят слухи, что он не истинный наследник трона Эмберфолла. Люди говорят, будто власть принадлежит могущественному колдуну. Спасти королевство – обрести любовь. Командор Грей – истинный наследник престола Эмберфолла. Он вынужден искать поддержки в соседнем королевстве, которое намерено захватить его страну. Пытаясь остановить войну, Грей и дочь жестокой правительницы вражеского государства Лия Мара становятся ближе друг к другу. Чтобы подарить мир своим королевствам, они должны предать своих близких или навсегда позабыть чувство, связавшее их сердца.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-111634-7

© Кеммерер Б., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	37
Глава 6	43
Глава 7	48
Глава 8	53
Глава 9	56
Глава 10	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Бриджит Кеммерер

Сердце яростное и разбитое

Brigid Kemmerer

A heart so fierce and broken

Text copyright © Brigid Kemmerer, 2020

© Онищук А. А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Боль сердца, что пылает страстно.
Проклятие сердца, что жестоко и разбито.*

*Посвящается тебе, мой дорогой читатель.
Взгляни в зеркало.*

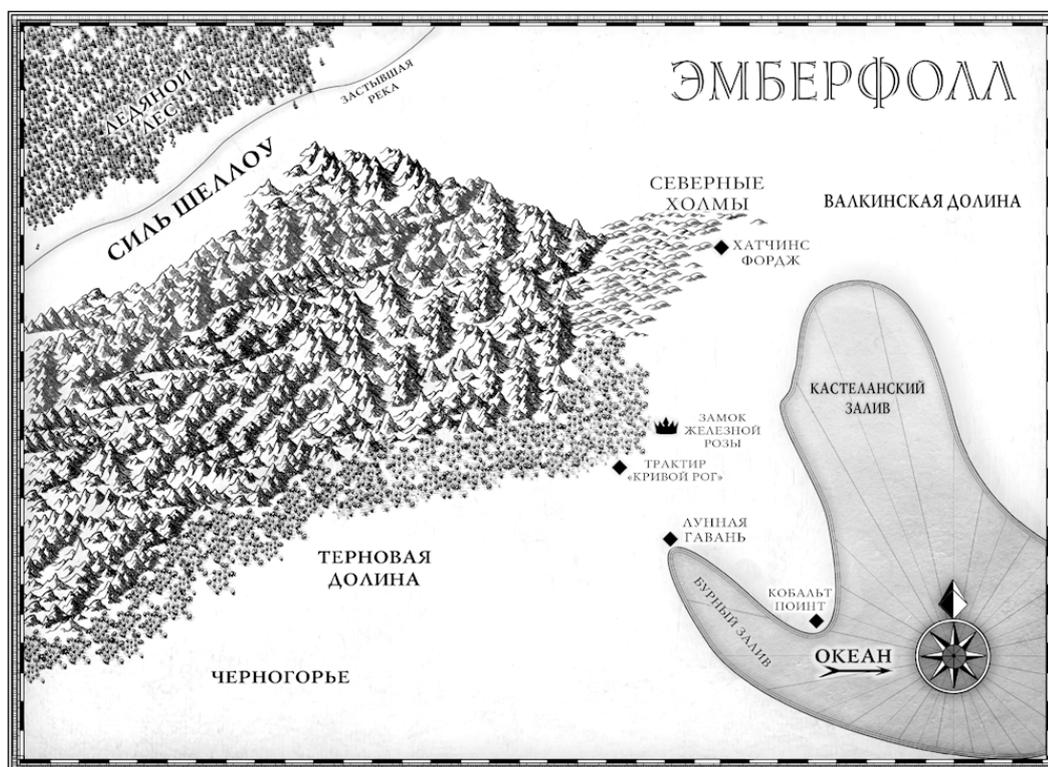
Ты можешь снимать проклятия.

Ты обладаешь силой.

Ты умеешь удивлять.

Ты меняешь мир лишь тем, что существуешь в нем.

И я очень горжусь тобой.

Глава 1

Харпер

Я скуучаю по возможности знать точное время. Это одна из тех вещей, которая осталась в Вашингтоне, округ Колумбия, и от которой мне пришлось, к сожалению, отказаться. Тьма сгустилась, обед уже кажется далеким воспоминанием, а Рэн все еще не вернулся в свои покои. И мне хотелось бы знать, сколько сейчас времени. Мне не привыкать ждать в темноте, но когда я это делала на улицах, с собой у меня был мобильный телефон брата, и я могла считать каждую минуту.

Теперь я принцесса Харпер из королевства Колумбия, а в Эмберфолле еще не изобрели электричество.

У нас с Рэном отдельные покои, как и подобает принцу и даме, с которой его королевство собирается заключить союз, но он всегда навещает меня прежде, чем вернуться к себе в комнату.

Рэн еще ни разу так не задерживался. По крайней мере, я так думаю.

Зной дня постепенно иссякает, освободив место прохладному воздуху, который проникает через распахнутые окна. Пламя в камине утихло до тлеющих углей. Снаружи на сторожевых башнях, окружающих Замок Железной розы, мерцают факелы. Расположенные на равном расстоянии друг от друга источники света охраняют территории от погружения в кромешную тьму. Это разительное отличие от того времени, когда замок был проклят и сторожевые башни были холодными, темными и безлюдными, ведь тогда его единственными обитателями были Рэн, Грей и я.

Теперь же замок переполнен знатными особами, слугами, стражниками, и мы практически никогда не остаемся в одиночестве.

И Грей пропал. Он отсутствует уже несколько месяцев.

Я беру свечу с прикроватного столика и зажигаю ее от тлеющих углей камина. Эти движения я совершаю уже неосознанно, как щелкала выключателем, когда была дома. Зо – мой личный страж и самая близкая подруга в этом мире – сегодня ночью не дежурит, ведь ей нужно время, чтобы выспаться. То же самое касается Фрей – моей фрейлины. Свет в ее комнате погас уже много часов назад, и я эгоистично желаю, чтобы она не спала. Мне бы сейчас не помешала дружеская поддержка.

Раздается тихий стук в дверь, и я торопливо направляюсь к ней, чтобы открыть.

Это не Рэн, а Джейк. Не ожидала, что он постучится ко мне.

Когда я была младше, Джейк был мягким и добрым идеальным старшим братом. Затем, когда мы стали подростками, наша мама смертельно заболела, а отец пустил жизнь нашей семьи под откос. Внешне Джейк напоминает футбольного защитника, и для того, чтобы как-то сводить концы с концами, он нанимался работать к заемщикам, которые обивали наш порог. В глазах тех, кто не был членом нашей семьи, Джейк быстро превратился из приятного молодого человека в того, кто внушает страх.

Заточение в Эмберфолле – стране, которая была настолько же прекрасной, насколько дикой и опасной, – несколько не изменило натуру моего брата. В первый день, когда мы сюда попали, Джейк был растерян и неуверен в себе, но он свыкся со своей вымышленной ролью принца Джейкоба королевства Колумбия. Его темные волосы немного отросли, меч на поясе висит так, словно брат родился вместе с ним. В Вашингтоне с ним никто не смел шутить, и здесь лишь немногие осмеливаются делать это.

Сегодня брат выглядит мрачным.

– Привет, – тихо говорю я. – Проходи.

Он заходит, и я закрываю за ним дверь.

– Удивительно, что ты еще не легла спать, – замечает Джейк.

– Я жду Рэна, – запинаясь я. – Удивительно, что *ты* еще не спишь.

Джейк мешкает с ответом.

– Мы с Ноа пакуем вещи.

Ноа – это парень Джейка, бывший сотрудник вечно переполненного отделения экстренной помощи одной из вашингтонских больниц, а на сегодняшний день – придворный «лекарь».

Я вскидываю брови.

– Пакуете вещи?

Выражение лица моего брата не меняется.

– Утром мы уезжаем.

Новость настолько неожиданная, что я отшатываюсь назад.

Губы Джейка приподнимаются в улыбке.

– Не навсегда, Харп. Не все так плохо.

– Но... что значит «*уезжаете*»?

Джейк пожимает плечами, переступает с ноги на ногу и направляется к окну.

– Мы здесь уже несколько месяцев сидим. Я знаю, что тебе нравится изображать утонченную принцессу, но мне кажется, что я живу в клетке, – Джейк умолкает, а затем бросает на меня взгляд. – Мы уедем всего на несколько недель. Максимум на месяц.

Я выдыхаю.

– На месяц.

За месяц многое может произойти. Мне это известно лучше, чем кому-либо.

– У меня же нет способа проверить, что с тобой все хорошо, – говорю я. – Вдруг что-то случится? Иногда, чтобы доставить весточку, нужны дни, а то и недели. Нам до сих пор не ясно, что делать с Силь Шеллоу и с коронацией Рэна...

Джейк многозначительно смотрит на меня.

– Тебе не нужно переживать за меня, Харпер.

– Я все равно буду переживать, – я сглатываю. После того, как Грей похитил меня с улиц Вашингтона, мы с Джейком оказались вдали друг от друга, и было ужасно не знать, что происходит с братом. Мне не хотелось снова испытывать подобное беспокойство. – Ты спрашивал об этом у Рэна? Ему эта идея может не понравиться.

Взгляд Джейка становится суровым.

– Он мне не указ.

– Я знаю, но...

– Он и так в курсе всего. Я уже с ним говорил.

У меня нет слов.

– Я попросил, чтобы он тебе ничего не рассказывал, – добавляет Джейк. – Я сам хотел тебе сообщить.

Мои губы складываются в прямую линию.

– Я так понимаю, ты ко всему подготовился.

– Нет, Харп, это не так, – Джейк умолкает, затем продолжает. – Я хочу, чтобы ты поехала с нами.

– Джейк, я не могу. Ты же знаешь, что я не могу.

– Нет, можешь. Ты можешь отсюда выбраться точно так же, как могу это сделать я, – брат отходит от окна, чтобы остановиться передо мной, и, когда он снова начинает говорить, его голос становится тихим. – Тебе он тоже не указ. Тебе не нужно ночи напролет ждать его возвращения.

– Он управляет государством, – говорю я, – а не пошел выпить с друзьями.

– Ему восемнадцать, как и тебе, – Джейк умолкает. – Ты хочешь выйти за него замуж?

Из-за этого вопроса у меня перехватывает дыхание.

Мой брат внимательно наблюдает за моей реакцией.

– Харп, ты знаешь, что именно этим все и закончится, если ты останешься здесь. Весь этот выдуманный им альянс с несуществующей страной держится на вашей свадьбе.

Я знаю. Конечно же, я знаю об этом.

Я молчу слишком долго. Джейк отходит от меня к камину.

– Ты не ответила на мой вопрос.

Замужество...

– Я не... Я не знаю.

Джейк бросает полено в камин и поправляет его кочергой.

– А тебе знать не нужно, в этом-то все и дело, – Джейк переводит взгляд на меня, когда полено начинает разгораться. – Ты не должна была оказаться в ситуации, где твоему парню нужно жениться на тебе, чтобы его страна не развалилась.

Я подхожу к дивану и опускаюсь на подушки.

– Да уж, Джейк, я так рада, что ты зашел.

Брат снова переводит взгляд на огонь, который разгорается в полную силу, заставляя каштановые волосы Джейка сиять оттенками золотого и красного.

– Я знаю, что в Вашингтоне дела у нас шли плохо, но мне кажется, что здесь ничуть не лучше.

– Мы покинули Вашингтон, когда человек направил на нас пистолет, – говорю я.

– Знаю, знаю, – Джейк умолкает, но я понимаю, что брат со мной не согласен.

Я понятия не имею, что ему сказать.

– Я не могу уехать, Джейк.

– Ты любишь его.

– Да.

Он вздыхает, затем подходит ко мне и опускается рядом на диван. Я прислоняю голову к его плечу, и мы вместе смотрим на огонь.

– Слухи выходят из-под контроля, – в конце концов нарушает молчание Джейк. – О том, что он не полноправный наследник, что Карис Люран снова пойдет в атаку.

– Этим слухам уже много месяцев.

– Люди начинают поговаривать о том, что из Колумбии так и не были присланы войска, что весь альянс – это обман, – Джейк умолкает и впивается в меня взглядом. – Я уезжаю не просто для того, чтобы сбежать из этого места. Я хочу выяснить, что творится за стенами замка.

– Рэн не стал бы нас обманывать.

Джейк смотрит на меня внимательным взглядом очень долго.

– Он обманывает целое государство, – наконец говорит брат. – Если ты думаешь, что он не станет врать *нам*, то тебе стоит подумать еще раз.

Я сглатываю. Рэн не такой.

– Не начинай, Джейк.

– Я ничего не начинаю. Просто прошу тебя подумать, – Джейк с горечью качает головой. – Ноа сказал, что ты с нами не поедешь. Я надеялся, что ты хотя бы поразмыслишь над этим.

Я смотрю на своего неугомонного брата, который творил так много ужасных вещей, лишь бы оградить меня от опасности. Вся суть Джейка в доброте и сострадании. Я знаю это.

– Прости.

Брат сжимает зубы.

– Хотелось бы знать наверняка, жив Грей или нет.

– Мне тоже, – говорю я и вздыхаю.

– Причины на то у нас с тобой различные, – Джейк смотрит на меня сверху вниз. – Именно из-за него мы застряли здесь, – он качает головой и проводит рукой по подбородку,

его тело сковывает напряжение. – Если он объявится, я сделаю так, что он об этом сильно пожалеет.

Это едва ли можно назвать угрозой. Скорее всего, Грей мертв или же застрел на другой стороне, а это ничем не лучше.

– Из-за чего ты так сердишься?

Взгляд Джейка затягивают грозовые тучи.

– Я провел месяцы, наблюдая за тем, как они тебя используют, Харпер.

– Никто меня не использует...

– Да, именно используют. Грей перенес тебя сюда, чтобы снять проклятье, к которому ты вообще отношения не имеешь. А затем, когда ты сбежала, он снова тебя сюда затащил.

– Я *хотела* вернуться!

И я вернулась. Я не жалею о том выборе, который сделала.

До момента, пока я не посмотрела Джейку в глаза, я не осознавала, что это он жалеет о моем выборе. Может быть, я и спасла ему жизнь, но теперь брат оказался здесь в ловушке, не имея возможности вернуться домой.

Язычок двери щелкает, и я с удивлением оборачиваюсь, чтобы обнаружить на пороге своей комнаты Рэна.

Принц все еще в официальном наряде. Его синий камзол застегнут под самое горло, на поясе висит меч. Свет от камина отражается в волосах Рэна, окрашивая их в золотой цвет. Взгляд кажется уставшим. Когда Рэн замечает меня и Джейка напротив камина, то тут же замирает. Напряжение в комнате становится настолько ощутимым, что Рэн наверняка его замечает.

– Прошу прощения, – осторожно произносит он. – Час поздний. Я думал, ты будешь одна. Джейк вздыхает.

– Ты и должна быть одна. Я пойду, – он наклоняется, чтобы поцеловать меня в лоб. – Береги себя, Харпер. Я серьезно.

Его слова смягчают все предыдущие колкости.

– Спасибо, братишка.

Джейк останавливается возле Рэна, прежде чем взяться за дверную ручку.

– Я все равно завтра уезжаю, – говорит он.

– Сегодня, если быть точным, – добавляет Рэн таким же спокойным голосом, как и Джейк. – Уже далеко за полночь, – он переводит взгляд на темное окно. – Дастан вместе с небольшой группой стражников будет вас сопровождать. Можете выдвигаться на рассвете, если пожелаете.

На секунду слова Рэна выбивают Джека из колеи, но он быстро берет себя в руки.

– Хорошо.

Рэн приподнимает бровь.

– Ты думал, я не сдержу свое слово?

– Я думал, у тебя найдутся более важные дела, которыми нужно заниматься.

– Верно. Так оно и есть, – Рэн открывает дверь и придерживает ее. Намек очевиден.

Джейк открывает рот, чтобы возразить.

Рэн может себя сдерживать, когда хочет, но я чувствую, что сейчас у него вряд ли получится.

– Джейк, – одергиваю я брата. – Ты уже добился того, чего хотел.

– Все нет.

Однако моих слов достаточно, чтобы брату расхотелось продолжать разговор, поэтому он выходит из комнаты.

Как только Джейк исчезает, Рэн направляется ко мне. Похоже, с каждым новым днем тени у него под глазами становятся все больше. Эти темные круги, кажется, так и останутся вечным признаком его внутреннего напряжения и беспокойства.

– Ты в порядке? – спрашиваю я, когда Рэн оказывается рядом со мной. Он всегда молчалив после встреч с советниками, но сегодня юноша держится отстраненно, почти враждебно. Если бы я его не знала, я бы отстранилась от него. – Что случилось? Уже поздно. Я думала...

Руки Рэна хватают меня за талию, и я невольно ахаю. Губы принца прижимаются к моим.

Рэн настолько сильный и решительный, что я не перестаю удивляться тому, насколько нежным он может быть. Он пересек комнату с таким видом, будто хотел развязать войну, но целует меня так, словно я самая хрупкая вещь во всем замке. Его руки излучают тепло, которое я чувствую у себя на талии сквозь ночную рубашку. Я опускаю ладони на грудь Рэна и вдыхаю запах, позволяя близости унять доставленное Джейком беспокойство.

Когда Рэн отстраняется от моих губ, то ему едва ли хватает сил, чтобы заговорить. Глаза принца жадно впиваются в меня.

– Я ощущал твое беспокойство, будучи в другом конце замка, – говорит он, поглаживая меня по щеке большим пальцем. – И теперь я вижу его причину.

Я краснею и опускаю взгляд. Мои пальцы тревожно перебирают пряжки его камзола, как будто бы их нужно поправить, но это не так, конечно же.

– Я в порядке.

– Харпер, – мягко произносит Рэн, накрывая мою ладонь своей, чтобы унять беспокойные движения.

Мне нравится, когда он называет меня по имени, а именно – как его акцент прокатывается по звукам «р», делая звучание похожим на мурлыканье. Рэн всегда следит за соблюдением формальности в речи, поэтому мое имя похоже на наш общий секрет.

Принц поднимает мой подбородок, чтобы наши взгляды встретились.

– Скажи, что тебя тревожит.

– Джейк только что сказал, что уезжает.

– О, – Рэн вздыхает. – Твой брат нетерпелив и беспечен. Он выбрал не самое подходящее время, но с другой стороны, могло быть и хуже. Пускай лучше он едет с моим благословением, нежели потом начнет сеять смуту где-то в королевстве. Дастан не допустит, чтобы у твоего брата были неприятности.

Я удивлена.

– Ты отправляешь с ним начальника стражи?

– Мне бы не хотелось, но я могу доверить такое задание лишь немногим своим людям. Королевская стража недостаточно проверена на надежность, а твой брат намерен уехать, нравится мне это или нет.

Что ж, это очень похоже на Джейка.

Рэн внимательно смотрит на меня.

– Считаешь, лучше отправить с ним Зо?

– Нет, – отвечаю я. Джейк уезжает, но я не вынесу, если мне придется расстаться еще и с подружкой. – Джейк говорил тебе, что хочет, чтобы я поехала с ним?

Рэн замирает от моих слов.

– Нет. И что ты решила?

Именно эта черта Рэна является одной из моих любимых. Он властный и решительный, и он никогда не сомневается, но все равно он никогда не лишает меня выбора.

– Я сказала, что не поеду.

Рэн выдыхает, а затем снова целует меня.

– Я провел так много времени в ожидании тебя, и мне страшно, что судьба разлучит нас.

Я прижимаюсь лбом к шее Рэна и вдыхаю его запах.

– Я никуда не денусь.

Некоторое время Рэн молча держит меня в объятиях, но я чувствую, что его беспокойство никуда не исчезло.

Я закусываю губу, не желая сгущать краски.

– Джейк сказал, что слухов про еще одного наследника стало больше.

– Так и есть.

Я прижимаю ладонь к груди Рэна, размышляя о словах Джейка.

– Расскажи мне все, Рэн.

Он вздыхает с каким-то раздражением.

– Наследник существует. Есть записи в королевских архивах с печатью моего отца. Я хотел поторопить коронацию, но многие знатные люди уже объявили о том, что порядок престолности не нарушен, так что я должен очень постараться, чтобы доказать свое право на трон.

– Как ты его найдешь?

– Это может оказаться невозможным. По правде говоря, может быть, его вообще нет в живых. У нас очень мало зацепок, чтобы начинать поиски. Если его мать была колдуньей, как утверждают записи, то он должен обладать магией, как и Лилит. Как-то она сказала мне, что паутина магии не заканчивается на ней, что она чувствует еще чье-то присутствие. Магия была запрещена в Эмберфолле много лет назад, но если пойдет молва, что кто-то ей обладает, то, может быть, ее будет не так просто утаить.

Лилит. Одного лишь имени достаточно, чтобы я вздрогнула.

– Что ты будешь делать, если найдешь его?

– Если он обладает магией, то его уничтожат. Я отшатываюсь назад.

– Рэн!

Юноша ничего не говорит. Ему и не нужно, потому что мне все понятно по его взгляду.

Я делаю еще один шаг назад.

– Этот человек – твой *брат*.

– Нет. Он мне никто, – в голосе Рэна слышна непреклонность. – Я почти вечность провел в ловушке колдуньи, и из-за этого моя страна оказалась на грани разрухи. Я не могу рисковать тем, чтобы кто-то еще попытался уничтожить Эмберфолл.

Я приросла к месту, чувствуя, как кровь стынет в жилах, несмотря на тепло находящегося рядом камина. Я не знаю, что сказать. Я видела, как Рэн приказал казнить человека, но это был человек, убивший одного из наших стражников, человек, который собирался убить нас, если бы ему подвернулась такая возможность.

Сейчас же все по-другому. Все спланировано и рассчитано заранее.

Рэн делает шаг вперед и протягивает руку, чтобы коснуться моего лица.

Я отшатываюсь, и выражение его лица меняется.

– Я не хотел расстроить тебя, – тихо говорит он, и я знаю, что юноша искренен в своих словах. – Я не думал, что это тебя удивит. Ты собственными глазами видела, какие ужасные вещи творила Лилит.

Я сглатываю. Да, я видела. Я видела, как она истязала Рэна раз за разом. Он был не в силах остановить ее.

– Уверена, что ты прав, – говорю я, хотя на самом деле не чувствую никакой уверенности. Я пытаюсь сделать один-единственный вдох.

Рэн доказал, что сделает все возможное, лишь бы не дать королевству развалиться. Сейчас он подтверждает серьезность своих намерений.

– Не беги от меня, – мягко говорит Рэн, и в его голосе звучит новая нотка. Это не уязвимость – ей там нет места, – но что-то похожее на нее. – Пожалуйста. Это невыносимо.

Рэн выглядит очень уставшим. Его тело напряжено до предела. Я задаюсь вопросом, когда он спал в последний раз. Я делаю глубокий вдох, прогоняя прочь дрожь из пальцев, а затем подступаю к Рэну и обнимаю его.

– Скажи, что тревожит *тебя*, – тихо прошу я.

– Мы даже не знаем, мертва Лилит или нет, – отвечает Рэн. – Если у нее получится найти наследника, если они объединятся против меня...

– Прошли месяцы. Либо она застряла на другой стороне без магии, либо там остался только Грей.

– Или же он присягнул ей по-настоящему, чему мы были свидетелями, и она ждет подходящего момента для нападения.

Чтобы спасти меня, Грей поклялся служить Лилит ровно за секунду до того, как приставить к ее горлу меч и переместиться на другую сторону – в Вашингтон, округ Колумбия.

– Он не станет ей помогать, – говорю я. – Рэн, он не станет.

– Я должен защищать свой народ, Харпер.

Юноша прислоняется ко мне, и я слушаю ритм его постепенно успокаивающегося дыхания. Я прижимаю ладонь к щеке Рэна, и его глаза закрываются. Много месяцев назад, когда Рэн был чудовищем, он прижался к моей ладони так же, как сейчас, и успокоился. Тогда я могла ощущать его страх. Сейчас я тоже его чувствую.

– Ты больше не монстр, – шепчу я.

– Я отправил стражу в дом матери Грея в Терновую Долину, – медленно произнес Рэн. Моя рука замирает у него на щеке.

– Что? Когда?

– На прошлой неделе, – отвечает он. – На всякий случай, – Рэн умолкает ненадолго. – Стражники вернулись сегодня.

Как-то Грей поделился со мной тем, что Лилит убила всю его семью, оставив в живых только мать.

– Что им удалось выяснить?

– Мать Грея исчезла. Жители городка сказали, что она продала свое имущество и уехала несколько месяцев назад. Никто не знает куда, – Рэн снова умолкает. – Если верить слухам, то до этого в ее доме на короткое время остановился раненый мужчина, но его никто не видел.

Я задержала дыхание на секунду.

– Грей может быть жив, – шепчу я.

– Да, – жестко говорит Рэн, но я чувствую его беспокойство и неуверенность. – Учтивая все, о чем мне доложили, я подозреваю, что Грей жив.

Я поднимаю взгляд на Рэна.

– Грей не служит ей, Рэн.

– Если нет, то почему он не вернулся в Замок Железной розы?

Я пытаюсь придумать возможное объяснение, и у меня не получается.

– Карис Люран может напасть в любой момент, – говорит Рэн. – Наследник может объявиться также в любой момент, – он останавливается, а затем продолжает. – И, возможно, Лилит выжидает подходящее время, чтобы сделать свой ход.

Я опускаю голову на грудь Рэна и снова смотрю в окно, вглядываясь в рассыпавшиеся по небу звезды.

– Эх, Грей, – говорю я, – где же ты?

– Действительно, – вздыхает Рэн, и в его голосе я слышу тоску, грусть и беспокойство. Он целует меня в макушку и повторяет: – Действительно.

Глава 2

Грей

Под конец дня всегда становится жарко от солнца, но меня это не беспокоит, потому что в конюшнях тихо, и редко кто-то помимо одного конюха оказывается рядом.

Здесь меня будут искать в последнюю очередь, и меня это устраивает.

Мои руки покрыты потом, к ним прилипают комочки грязи и солома, пока я работаю вилами. Духота станет практически невыносимой, прежде чем температура понизится, но я уже к ней привык. Турнир Уорвика не начнется до темноты, поэтому вокруг никого нет, если не считать меня и Тайко. Позднее конюшни наполнятся голосами мужчин, требующих привести им лошадей или спорящих из-за взятого в аренду оружия в конце прохода. Как только выпивка польется рекой и стадион заполнится людьми, ожидающими зрелища, шум вокруг станет оглушительным.

Тем не менее, пока что стадион пуст, а конюшни требуют тщательной чистки. Все это весьма далеко от экстравагантной роскоши Замка Железной розы, в котором я когда-то был начальником Королевской гвардии.

Пока Тайко убирает навоз, он что-то напевает себе под нос, причем так тихо, что я не могу разобрать мелодию – ее заглушают звуки лошадиного дыхания. Для своего возраста Тайко невелик ростом, худощавого телосложения, отчего кажется, что ему скорее лет двенадцать, а не пятнадцать. Однако это не мешает мальчишке быть проворным и способным работником. Темно-русые волосы Тайко опускаются ниже подбородка, скрывая в тени голубые глаза.

Тайко тоже нравится это время дня, но по другим причинам. Иногда после турнира мужчины с брюшком, переполненным элем, ищут, чем бы еще позабавиться. Я слышал, как они предлагали Уорвику монеты за час в компании Тайко. Я видел, как Уорвик подумывал над этим.

Мальчишка знает, как нужно правильно делать ноги.

Я потратил последние несколько недель на попытки научить его защищаться в качестве альтернативы.

– Сколько тебе еще осталось? – кричу я мальчику.

– Три, – откликается он, стирая предплечьем пот со лба. – Черт побери, ну и жара.

Я смотрю в окно конюшни, чтобы определить положение солнца. До заката у нас есть еще несколько часов.

– Я закончу за тебя. Дуй в «Рычащего пса». Джоди сказала, что на этой неделе у нее будут крабы из Лунной гавани.

Тайко выходит из стойла.

– Хок, таверна Джоди находится на другом конце города.

Хок. Три месяца, а я все еще не свыкся с этим именем. Я откидываю мокрые пряди волос со лба и улыбаюсь.

– Тогда тебе лучше поспешить. Жареные крабы стоят по медяку за штуку.

Тайко вздыхает, но секунду спустя я слышу звук его быстрых шагов по грязному проходу.

– Когда я выиграю, я закажу дюжину, – выкрикивает мальчик напоследок.

Он не выиграет, даже с учетом той форы, что я ему дал.

Тем не менее, победа становится к нему ближе.

Когда я только попал сюда, мои раны после последней битвы с Лилит еще заживали. Мой сон по ночам в течение нескольких недель был отравлен кошмарами, отчего я постоянно чувствовал себя уставшим и слабым. Уборка конюшен и чистка оружия отнимала у меня почти все силы.

Однако, как только я оправился от ранений, монотонность жизни, связанной с турнирами, начала меня угнетать и нервировать. Я скучал по нещадным физическим нагрузкам, которым подвергалась королевская стража. Несколько часов в компании с вилами и тряпкой были детским лепетом по сравнению с часами тренировок и боями на мечах. Я начал вставать до рассвета, чтобы обежать город по кругу в утренних сумерках или взобраться вверх по ступенчатым опорам, на которых лежала крыша стадиона.

Не знаю, как долго Тайко следил за мной до того, как я его поймал за этим занятием, но на тот момент прошло немного времени, и я не боялся, что меня узнают. Мальчишке повезло, что тогда при мне не было ни ножа, ни меча.

Или же это мне повезло. Мои навыки обращения с оружием наверняка привлекли бы ко мне ненужное внимание. Если кому-нибудь понадобился бы тренированный мечник, мне не понравилось бы, если на меня показали пальцем. Иногда мы с Тайко деремся на тренировочных мечах, но я всегда осторожен и использую самые простые приемы, при этом позволяя мальчику наносить удары по намеренно оставленным брешам в защите.

Снаружи тяжело скрипит повозка, запряженная ломовыми лошадьми. Громовой мужской голос кричит:

– Тайко! Хок! Идите посмотреть, что я привез!

Уорвик. Я вздыхаю. Он мог привезти что угодно – от глыбы льда и ржавого гвоздя до трупа рыбака.

Учитывая душающую жару, я очень надеюсь, что не последнее.

Я выхожу из конюшен, вытирая ладони о брюки. На тележке стоит массивный ящик выше человеческого роста, покрытый огромным отрезом ткани, привязанным по углам. Ломовые лошади блестят от пота, из их ртов капает пена.

Уорвик всегда загоняет своих лошадей. Мне придется облить их водой прежде, чем побежать на другой конец города. Тайко, возможно, все-таки одержит надо мной победу.

Уорвик выглядит так, словно нашел гору королевского серебра. Он едва ли не подпрыгивает, сидя на месте кучера, а это о многом говорит, учитывая его вес. Вытащив лоскут ткани из кармана, мужчина вытирает свои пропитанные потом брови.

– Ты не поверишь, – говорит он. – Ты мне просто не поверишь.

– Что у тебя там? – спрашиваю я.

– Где Тайко? – Уорвик хихикает от восторга. – Я хочу видеть его реакцию.

«Бежит в таверну за жареными крабами, за которые мне придется платить, если ты будешь тянуть».

– Я отправил его в город за мазью для одной из лошадей.

– Ах, как жаль, – Уорвик разочарованно вздыхает. – Тогда я наблюдаю за твоей реакцией.

Он прекрасно знает, что я вряд ли даже бровью поведу. Уорвик считает, что я слишком серьезен и лишен воображения. Я слишком долго служил наследному принцу, как в его человеческой, так и чудовищной ипостаси, так что я вряд ли удивлюсь тому, что бы там Уорвик ни прятал под покрывалом.

Он неплохой человек, просто неотесанный и слишком озабоченный тем, как бы пополнить карман лишней монетой. Если бы я был командором Греем, я испытывал бы по отношению к Уорвику жалость.

Сейчас же я Хок, и я просто терплю его.

– Ну, тогда показывай, – говорю я.

– Помоги мне снять все эти тряпки.

Веревки туго завязаны на два узла. Я работаю над вторым углом ящика, когда вдруг понимаю, что Уорвик все еще стоит на земле рядом с повозкой, наблюдая за мной.

Типично. Вторая веревка поддается, я задираю покрывало, и под ним оказывается клетка.

Я смотрю на... существо, название которого мне неизвестно. Оно немного похоже на человека, но с темно-серой кожей, цвета затянутого тучами ночного неба. Крылья, растущие из спины существа, связаны путами, и у него есть хвост, который безвольно лежит кольцами на полу клетки. Руки и ноги создания оканчиваются когтями, а копна черных волос на голове пропитана потом.

Оно не шевелится.

– Боже правый, – говорит Уорвик. – Как думаешь, оно подошло?

– Нет, но близко к этому, – я хмуро смотрю на него. – Как долго оно было так накрыто?

– Часа два.

– В такую жару?

Уорвик прижимает ладонь ко рту.

– О, боже.

– Ему нужна вода, – когда Уорвик не двигается с места, я спрыгиваю с повозки и направляюсь в конюшню за ведром.

К тому моменту, как я возвращаюсь, существо все еще не двигается с места. Я забираюсь обратно в повозку и сажусь на корточки рядом с клеткой. Я наблюдаю за тем, как грудь создания медленно поднимается и опускается. По крайней мере, оно дышит. Я набираю в ладонь воду и просовываю руку между прутьев клетки, чтобы плеснуть ее ему в лицо. Нос существа немного уже человеческого, а подбородок шире. Вода струйкой стекает по серой коже.

– Что это за создание? – спрашиваю я Уорвика. – Где ты его взял?

– Это скрейвер, – отвечает он. – Говорят, его поймали далеко на севере в ледяных лесах за пределами Силь Шеллоу. Я выиграл его в карты! Фортуна улыбнулась мне сегодня, мой мальчик.

Скрейвер. Я припоминаю, что в детстве мне рассказывали о чем-то подобном, но это было так давно, что подробности уже стерлись из памяти.

– Я думал, что это выдумка, которой пугают детей.

– Судя по всему, нет.

Я набираю еще одну пригоршню воды, чтобы полить ею лицо существа, затем щелкаю языком, словно призываю лошадь. Веки скрейвера дергаются, но он продолжает оставаться неподвижным.

– Представляешь, нужно было заплатить два медяка, чтобы просто посмотреть на него! – восклицает Уорвик. – Вопиющее безобразие!

Мои брови взлетают вверх. Выражение сочувствия – это не то, что я ожидаю от Уорвика.

– Согласен.

– Вот именно! За скрейвера? Да люди явно заплатят все пять!

А, так вот оно что.

Когда я набираю третью пригоршню воды, существо вздрагивает. Его рот приоткрывается в поисках желанной жидкости. Когти создания начинают скрести по полу, чтобы подобраться ближе ко мне. Его движения слабые и болезненные.

– Спокойно, – мягко говорю я. – У меня есть еще.

Я снова зачерпываю воду рукой. Надо будет сбегать за ковшом.

Скрейвер делает глубокий вдох, раздувая ноздри, и из его груди доносится низкий звук. Я подношу руку к его рту настолько близко, насколько у меня получается.

Глаза существа распахиваются, и они оказываются полностью черными. Низкий звук превращается в рычание.

– Спокойно, – снова говорю я. – Я не наврежу...

Существо дергается в сторону моей руки. Я реагирую быстро, но оно оказывается быстрее. До того, как я успеваю вытащить руку из клетки, в мое запястье впиваются клыки. Я вырываю руку и, отшатнувшись назад, спотыкаюсь о ведро с водой и падаю вниз с повозки.

Уорвик смотрит на меня сверху, а затем начинает хохотать.

– Нет, нет. Даже лучше, что ты был здесь. У Тайко не хватило бы духу сунуть туда руку.

Черт возьми, из моей руки яростно хлещет кровь. Из-за грязи и пота рану уже начинает жечь.

Скрейвер отполз к противоположной стене клетки. Со своего места я могу видеть, что существо, без всяких сомнений, принадлежит к мужскому полу. Наполовину обнажив клыки, оно сверлит меня предупреждающим взглядом темных глаз.

– Теперь тебе придется ждать воду, – говорю я.

– Как думаешь, что нам с ним делать? – спрашивает Уорвик.

Я вздыхаю. Мое запястье горит, и я голоден. Мне нужно сходить за Тайко и вернуться до наступления темноты, иначе нам не поздоровится.

– Мы не можем оставить его на солнцепеке. Давай поставим повозку на стадион, – предлагаю я. – Можем подумать, что с ним делать после турнира.

– Хок, ты славный малый, – Уорвик хлопает меня по плечу. – Я буду у себя, если тебе что-то понадобится.

Моему счастью нет предела.

* * *

Тайко с улыбкой на лице сидит у бара с полупустой тарелкой крабов. Для таверны час еще слишком ранний, поэтому посетителей немного, а сам мальчишка за баром сидит в абсолютном одиночестве. Тайко выглядит таким самодовольным, что я почти рад, что Уорвик прикатил во двор с проблемой, которую должен был решить я, по его мнению.

Я не могу сдержать ответной улыбки.

– Не задирай нос.

Тайко посылает улыбку Джоди – молодой женщине, стоящей за барной стойкой.

– Думаю, возьму еще дюжину. Хок угощает.

Она улыбается, и ее золотисто-карие глаза задорно блестят.

– Ты уже упомянул это пару раз.

У меня вырывается смешок.

– Только тем, что уже лежит перед тобой, можно наесться до тошноты. Я тебя обратно не понесу.

– Знаю, – Тайко подталкивает поднос ко мне. – Эта половина твоя.

Я усаживаюсь на стул рядом с мальчиком, и Джоди передает мне тарелку и нож. Долгий и изнурительный поход через город отбил у меня аппетит, но я все равно беру краба из кучи. Обычно Тайко ведет себя очень сдержанно, поэтому я не хочу его обидеть.

Джоди облачивается на барную стойку. Ее каштановые волосы длиной до пояса. В некоторые пряди вплетены перышки и камушки. Кожа покрыта золотистым загаром, на щеках рассыпаны веснушки, а между двух передних зубов есть небольшая милая щербинка. Грудь Джоди едва ли не вываливается из платья, когда она кладет ее на сложенные руки и широко улыбается мне.

Я понимаю, к чему все это, но я провел так много времени, отрекшись от любого вида отношений, что уже и забыл, на что похоже влечение.

Нет. Не правда. Я помню Харпер. Помню тепло ее взгляда, неиссякаемое упорство и ощущение ее руки в моей, когда я показывал ей, как метать ножи в снег.

Тогда мои чувства к ней были под запретом, впрочем, как и сейчас. Мысли о Харпер не приведут ни к чему хорошему, поэтому я отодвигаю их подальше.

– Вина или эля? – спрашивает Джоди.

– Воды, – я разламываю ногу краба при помощи ножа и вытаскиваю из нее мясо. – Пожалуйста.

Джоди дуется.

– Ты никогда не пьешь.

Я пожимаю плечами.

– Тайко уже и так потратил мои деньги на еду, – говорю я. Это не истинная причина отказа, но мне лучше сохранять голову трезвой. Мне было запрещено пить, когда я был стражником, и, когда однажды я распил бутылку с Рэном, я едва не оказался на полу. Как Хок я беспокоюсь о том, что если я осмелюсь выпить, то тут же разболтаю всю правду о себе.

Хотя, может быть, этого и не случится. Когда я был в Королевской гвардии, я всегда чувствовал, будто моя жизнь поделена на два этапа. Сначала была жизнь «до», когда я был фермерским мальчиком, который пытался найти способ помочь своей семье выжить. А затем было «после», когда я стал стражником и стал зарабатывать, охраняя королевскую семью. Бывали моменты, когда мне казалось, что моя семья превращалась в расплывчатое воспоминание, будто мое воображение выдумало тех людей, с которыми я жил и о которых заботился.

Теперь, кажется, начался третий этап. Бывает, что замок и проклятье кажутся мне такими же призрачными, как и моя семья. Даже не знаю, сколько во мне осталось от Грея, который был стражником.

Джоди ставит передо мной стакан воды. Я выпиваю половину одним глотком и вытираю рот салфеткой, после чего снова разламываю ногу краба ножом.

– Ты ешь как человек из знатного рода, – задумчиво говорит Джоди. – Думаю, раньше я не замечала этого.

Мои пальцы замирают на секунду, прежде чем я заставляю руку двигаться дальше, чтобы вскрыть очередной панцирь. Джоди права отчасти, но не то чтобы я об этом когда-либо задумывался: я ем как человек, которого учили обедать в присутствии королей.

Теперь я стараюсь быть менее аккуратным в еде, хотя, скорее всего, выглядит это наигранно. Того и гляди я отрежу себе палец. Я улыбаюсь Джоди и по-дружески толкаю Тайко в плечо.

– Ты, наверное, просто привыкла к пьяницам, которые вгрызаются в мясо зубами.

Тайко смущенно улыбается.

– Я хотя бы не пьян, – мальчик опускает взгляд на мою импровизированную повязку на руке. – Что случилось с твоим запястьем?

Я разламываю пополам очередную ногу краба руками, обеспокоенный тем, что Джоди наблюдает за мной.

– У Уорвика появился новый домашний питомец.

– *Домашний питомец?*

До того, как я успеваю ответить, дверь в таверну распахивается с такой силой, что ударяется о стену. С полдюжины мужчин в полной боевой готовности заходят внутрь, и на их броне сияет золотым и красным герб Эмберфолла.

Это не Королевская гвардия, это солдаты Королевской армии. Я застываю на месте, затем заставляю себя вернуться к трапезе. Рядом со мной так же тихо замирает Тайко по своим собственным причинам.

Внезапно мне очень хочется, чтобы на поясе у меня висел меч. Мои пальцы будто непроизвольно крепче смыкаются на рукоятке ножа.

Вероятно, я веду себя глупо. Я бросил на вошедших беглый взгляд, но не узнал никого из них. Скорее всего, они не узнают и меня. Мои волосы стали длиннее, а лицо обросло щетиной.

Если удача на моей стороне, то никто меня вообще не ищет. Но возможности узнать это наверняка у меня нет.

Один из мужчин подходит к бару и щелчком вверх бросает на деревянную стойку медную монету.

– Еды и вина моим людям, если можно.

Джоди берет монету и приседает в реверансе.

– Сию минуту, милорд.

Никакой он не милорд, но ему приятно, что его так назвали. Двое мужчин, вошедших с ним, свистнули ему, сидя за столом возле двери.

Солдат подкидывает на стойку еще один медяк, и, откашлявшись, говорит:

– Премного благодарен.

– Взаимно, – Джоди прячет в карман монету и отворачивается, попутно подмигнув мне.

Я едва ли могу выдавить ей в ответ улыбку. Меня слишком беспокоит причина появления солдат. Мы слишком далеко от границы. В этом городе редко видят представителей Королевской армии.

Мужчина останавливается, прежде чем отойти. Он смотрит на меня.

Я делаю глоток воды, чувствуя вес ножа, зажатого у меня между пальцами. Я могу без задней мысли всадить лезвие ему в глотку. Моя рука хорошо помнит, как это делается. Нож легче, чем мои метательные клинки, так что мне нужно всего лишь...

– Это жареные крабы? – спрашивает солдат. – Мы сто лет не видели морепродуктов!

Я прочищаю горло и усилием воли заставляю себя отложить нож. Когда я отвечаю, мой голос звучит хрипло:

– Джоди готовит их лучше всех в городе.

– Значит, мы сделали правильный выбор, когда зашли сюда.

Наконец, я поднимаю взгляд на солдата. Я вынужден это сделать, иначе сложится впечатление, что я что-то скрываю.

У него мощное телосложение, темные волосы и кожа красноватого цвета. Я не думаю, что когда-либо встречал этого человека прежде. Облегчение наполняет мою грудь, и я снова могу дышать.

– Вы не пожалеете, – говорю я, и после паузы продолжаю. – Куда держите путь?

– На север, в Хатчинс Фордж, – отвечает солдат. – По официальным делам.

– Естественно, – я вежливо киваю, после чего поднимаюсь со своего места. – Счастливой дороги, солдат, – я оставляю пригоршню монет рядом со своей тарелкой. – Тайко, нам пора возвращаться.

Мы не доели то, что было на подносе, но мальчишка соскальзывает со стула и следует за мной к двери. Мы выходим на улицу под палящее солнце.

До того, как дверь закрывается, я слышу, как один из солдат говорит:

– Ради всего святого, капитан, народ знает, что в городах поднимаются волнения из-за другого наследника. Слухи ходят повсюду.

Я хватаю Тайко за рукав и перестаю дышать в надежде услышать больше.

– Как думаете, что принц сделает, когда найдет его? – спрашивает еще один солдат.

Капитан хмыкает.

– Отрубит ему голову, скорее всего. Король мертв. Наследный принц займет его место.

Он не позволит какому-то человеку со стороны...

Дверь закрывается, и мы с Тайко в тишине остаемся стоять на солнцепеке.

Тайко задирает голову, чтобы посмотреть на меня.

– Тебя напугали те солдаты.

Мне не нравится, что он видит меня насквозь. Я толкаю мальчика плечом.

– Тебя они тоже напугали.

Тайко краснеет и отводит взгляд.

Не нужно было ему этого говорить. Я пытался сменить тему и перекинул все внимание на него.

– Побежим наперегонки обратно? – спрашиваю я.

– Я думал, у тебя закончились медяки.

– Если выиграешь, я завтра все стойла за тебя почищу.

Тайко улыбается и, не мешкая, срывается с места, не подумав ни о жаре, ни о том, что только что наелся до отвала. Скорее всего, где-то на середине пути его стошнит крабами, и тогда я его догоню.

Я продолжаю идти, не переходя на бег.

«Король мертв».

«Наследный принц займет его место».

Наследный принц и *должен* занять его место. От этой мысли у меня неожиданно начинает щемить в груди. Когда-то я поклялся защищать Рэна ценой собственной жизни, потому что он должен был занять трон, и я смог бы являться частью чего-то большего.

И вот сейчас я здесь, на пыльных улицах Риллиска, работаю не кем иным, как конюхом. Неизвестный единокровный брат наследного принца Эмберфолла. Пропавший наследник, который не хочет, чтобы его нашли. Человек, который не является частью абсолютно ничего.

Глава 3

Лия Мара

Я смотрела в окно кареты на протяжении многих километров. По эту сторону гор воздух тяжелый и липкий настолько, что мне хотелось бы путешествовать в жилете и лосинах, а не в королевской мантии. Тем не менее красота раскинувшегося пейзажа стоит неудобств. Там, за горами, Силь Шеллоу состоит лишь из равнин с фермерскими угодьями, изредка прерывающихся городами и единственной узкой речушкой. Эмберфолл же богат долинами, лесами и разнообразным рельефом.

Ко всему прочему здесь есть еще несколько сожженных дотла городов с обуглившимися останками наших солдат, которые остались здесь с тех времен, когда матушка предприняла первую попытку захвата этих земель.

Проезжая мимо таких городов, я всегда невольно перевожу взгляд на внутренние стены кареты. У меня нет желания видеть разрушения, что являются делом рук моего народа.

Когда-то я думала, что смогу прервать эту закономерную череду разрушений, но затем матушка назвала мою младшую сестру наследницей престола.

Сестра сидит напротив меня, и на нее не оказывают никакого впечатления ни погода, ни виды Эмберфолла. Нолла Верин скрыта в тени, занятая вышиванием красными и серебряными нитями. Зная ее, я могу сказать, что это будет какое-то украшение для одной из ее лошадей.

Она не вздрогнет при виде сожженных дотла городов. В мире не существует того, что могло бы заставить Ноллу Верин содрогнуться.

Именно поэтому моя сестра стала наследницей, а не я.

Губы Ноллы Верин изгибаются в легкой улыбке.

– Лия Мара, ты ведь понимаешь, что нас встретят в штыхки? – произносит она на сишшальском – нашем родном языке.

Я не отрываю взгляда от пышной зелени.

– Матушка пыталась сравнить эту страну с землей. Как еще нас могут встретить?

– Я думаю, ты станешь легкой мишенью, учитывая, что постоянно высываешься из окна с открытым ртом.

Я закрываю рот и откидываюсь на сиденье, позволяя плотной занавеске закрыть окно.

Улыбка Ноллы Верин становится шире.

– И при этом тебя всегда называют самой умной.

– А, точно. Хотя лучше слыть самой умной, чем самой *крепкой*.

Нолла Верин тихо смеется.

– Составляй список. Когда я стану королевой, я их всех казнию ради тебя.

«Когда я стану королевой».

Я улыбаюсь, надеясь, что сестра не заметит грусти, спрятанной за улыбкой.

Я не завидую ей. Мы давно пообещали поддерживать друг друга, несмотря на решение матушки при выборе наследницы. Несмотря на то, что сестра младше меня на два года, в свои шестнадцать она уже представляет собой подходящую кандидатуру на трон после матушки. Нолла Верин едва ли не родилась с луком и стрелами в руках, не говоря уже о мече на поясе. Как и наша матушка, она не мешкая готова пустить в ход оружие. Нолла Верин может укротить самую агрессивную лошадь в конюшне. Многие королевские дома начали отправлять жеребят ей на воспитание лишь затем, чтобы похвастаться, что их молодняк был укрощен не кем иным, как дочерью великой королевы.

У Ноллы Верин и нашей матушки есть общая черта: они рубят плеча, когда дело касается жестких решений.

Мне грустно как раз из-за этого. Мою сестру забавляют мысли о казни.
И она при этом не шутит.

Сходство между Ноллой Верин и матушкой на этом не заканчивается. Они одинаково сложены. Их миниатюрные, стройные, атлетические фигуры идеально подходят для поля боя. Единственное сходство у меня с матерью – это рыжие волосы, но мои достают до пояса, в то время как матушка предпочитает носить более короткую стрижку. Волосы Ноллы Верин представляют собой блестящую черную вуаль. Я вовсе не миниатюрная и совсем не ловкая, поэтому многие при дворе делают ремарки по поводу моего острого ума, если хотят мне польстить, и по поводу моего «крепкого» телосложения, если хотят задеть.

Сестра вернулась к вышиванию. Ее пальцы запорхали над тканью туда-сюда. Даже если она и нервничает, то внешне это никак не проявляется.

Нас сопровождает не так много людей. Сорра и Пэрриш – моя личная стража – едут позади. Тик и Дил – стража Ноллы Верин – едут в центре. Четыре личных стражника моей матушки окружают ее собственную карету, которая возглавляет процессию.

– Что, если принц отвергнет предложение матушки? – спрашиваю я.

Взгляд сестры отрывается от полотна.

– Тогда его можно будет считать глупцом. Наши войска могут запросто уничтожить эту жалкую страну.

Я бросаю взгляд в окно. Пока что Эмберфолл не кажется мне жалким. К тому же у принца Рэна получилось отбросить наши войска к горному перевалу, так что он достаточно умен и осторожен.

– Хмм, и ты думаешь, что разрушения и поджоги заставят людей охотно помогать нам с разработкой водных путей, в которых мы так отчаянно нуждаемся?

– Наш народ может сам всему научиться.

– Но наш народ научится быстрее у тех людей, у которых уже есть знания и опыт.

Сестра снисходительно вздыхает.

– Ты наверняка пришла бы к ним с медом и орешками, чтобы попросить дать тебе инструкции.

Я отвожу взгляд и смотрю в окно. Так и есть, я лучше попрошу о помощи, нежели с мечом в руке прикажу мне содействовать, и это очередное напоминание о том, почему престол займет Нолла Верин, а не я.

– Мы можем оставить в живых несколько человек, – говорит сестра. – Они будут отчаянно стараться нам помочь.

– Мы можем оставить в живых *всех*, если матушке удастся заключить альянс.

– Так и будет. Чудовищное создание принца Рэна исчезло, – отвечает Нолла Верин. – Наши лазутчики также доложили, что города начинают сомневаться в его праве на престол. Если принц хочет остаться во главе своего глупого королевства, то он согласится.

Нолла Верин очень практична. Уголки моих губ приподнимаются в улыбке.

– Что, если он тебе не понравится?

Сестра закатывает глаза.

– Как будто это важно. Я могу делить ложе с мужчиной, даже если он мне не по нраву.

Я краснею от ее смелого заявления.

– Нолла Верин, ты когда-нибудь... *этим* занималась?

– Ну, нет, – сестра встречается со мной взглядом, и ее пальцы замирают над вышивкой. –

А ты?

Мой румянец становится ярче.

– Нет, конечно.

Глаза Ноллы Верин становятся шире.

– Тогда ты должна первой этим заняться, а потом сказать мне, чего ожидать. Ты сейчас скучаешь, да? Я прямо сейчас могу позвать Пэрриша. Или тебе больше нравится Дил? Я предоставлю вам карету...

Я хихикаю и бросаю в сестру парчовой подушкой.

– Даже не думай об этом.

Нолла Верин уклоняется от подушки без всякого труда.

– Я просто прошу у тебя сестринской помощи.

– А что, если принц Рэн обручен?

– С принцессой Харпер? – Нолла Верин натягивает нить и завязывает узелок. – Она тоже в праве делить ложе с кем пожелает.

– Ты уваливаешь от ответа, сестра.

Она вздыхает.

– Меня это не волнует. Их альянс ничего не значит. Прошло три месяца с тех пор, как Эмберфолл заключил союз с загадочным королевством Колумбии. Никаких войск не прибыло. Матушка считает, что принц был не совсем честен со своим народом, и я склонна с ней согласиться.

Я тоже. Нолла Верин предпочитает проводить свободное время на тренировочном поле, пока я еженедельно встречаюсь с Кланной Сун, главной королевской советницей, и изучаю военную стратегию или замысловатые кровные связи между королевскими домами. В последние несколько месяцев сложилось впечатление, что принц Рэн собирает армию, которая могла бы представлять угрозу, но почему-то такая армия так и не появилась. Любопытно, что принц продолжает ухаживания за принцессой Колумбии, несмотря на то, что альянс двух стран находится на грани распада. Эмберфолл ослаблен. Принцу необходимо заключить союз с государством, которое может предложить необходимую для выживания поддержку.

С государством, подобным Силь Шеллоу.

Занавеска на окне приподнимается, и вдалеке я вижу обуглившиеся руины еще одного уничтоженного города. У меня сдавливают горло. Солдаты матушки потрудились на славу.

Я снова перевожу взгляд на сестру.

– С чего ты взяла, что мы вообще попадем на аудиенцию к принцу?

– Согласно информации, которой располагает матушка, он этого желает, – отвечает Нолла Верин, и ее пальцы снова порхают над тканью. – Помнишь, несколько месяцев назад Хрустальный дворец навестила колдунья?

Я помню. У той женщины была белоснежная кожа, обрамленная шелковистыми черными локонами. Она была одета в платье самого темного оттенка синего. Когда женщина пришла и заявила, что в ее жилах течет колдовская кровь, матушка рассмеялась ей в лицо, однако женщина заставила одного из стражников пасть без чувств к ногам королевы, не дотронувшись до него и пальцем. После этого матушка дала колдунье аудиенцию. Они провели в тронном зале много часов.

Мы с Ноллой Верин откладывали обсуждение этого случая. Не нужно хорошо знать историю, ведь всем и так известно, что все владеющие магией люди были изгнаны из ледяных лесов Ишелласы десятки лет назад. Чародеи пересекли Застывшую реку при помощи колдовства, после чего попытались осесть в Силь Шеллоу, но моя бабушка не позволила им этого сделать. Они отправились искать пристанища в Эмберфолле, и нашли его, но слишком поздно: после того, как короля кто-то обвел вокруг пальца, все чародеи были убиты.

За исключением, судя по всему, одной колдуны.

– Конечно, помню, – отвечаю я. – Она последняя из своего рода.

Моя сестра качает головой.

– Вероятно, кто-то еще выжил. Матушка сообщила мне это вчера вечером, когда мы готовились к отъезду.

Безусловно, матушка сообщила только ей, а не мне, потому что Нолла Верин – наследница престола.

Я не завидую ей. Моя сестра станет великой королевой.

Я сглатываю ком в горле.

– Кто-то еще выжил?

– Да. И она ищет его.

– Зачем?

– Потому что он не просто человек с магией в крови, – Нолла Верин протыкает ткань иглой, и красная нить тянется по белому шелку, словно кровоточащий порез. – Этот колдун – истинный наследник трона Эмберфолла.

Я охаю.

– Это правда?

– Да, – глаза Ноллы Верин сверкают, ведь она просто *обожает* интересные сплетни. – Но принц понятия не имеет, кто это.

Ну и скандал! Магии в Эмберфолле не рады ровно настолько, насколько ей не рады в Силь Шеллоу. Интересно, знает ли об этом народ Рэна. Как они отреагируют на подобную новость?

Я представляю, что моя дальнейшая жизнь будет проходить именно так. Я буду собирать крупицы информации о враждующих королевствах, подобно тому, как собака выискивает обрезки рядом с мясником, занятым разделкой мяса.

Я снова сглатываю.

– А матушке известно, кто этот наследник?

– Нет. До того, как колдунья исчезла, она сказала, что лишь одному человеку известно, кто это.

– Кому же?

– Начальнику королевской стражи, – Нолла Верин завязывает узелок и откусывает нить зубами. – Юноше по имени Грей.

* * *

К вечеру мы оказываемся в нескольких километрах от последнего городка, и матушка приказывает страже остановиться и разбить лагерь. Если бы мы путешествовали по Силь Шеллоу, для нашего удобства были бы воздвигнуты огромные шатры, но здесь, в Эмберфолле, мы не должны привлекать к себе внимание.

Мы с Ноллой Верин ютимся в узеньком шатре. Сорра и Пэрриш – мои стражники – расстелили одеяла на земле таким образом, чтобы они образовали гнездо из покрывал и подушек. Мы с детства не спали так близко друг к другу, и я рада подобной возможности.

Моя сестра уже раскинулась среди подушек и озорно прищурилась.

– Эти одеяла очень мягкие. Уверена, что не хочешь пустить под них Пэрриша?

Мои щеки горят огнем. Одно дело шутить про такие вещи в карете один на один, и совсем другое, когда юноша, о котором идет речь, стоит по другую сторону опущенной тканевой занавески. После объявления наследницей Нолла Верин стала дерзкой, а я лишилась уверенности в себе.

– Молчи, – шепчу я ей.

Улыбка сестры становится шире.

– Я всего лишь спросила. Вдруг ты захочешь скрасить свой вечер.

Я кошусь на тень Пэрриша, который стоит по ту сторону занавески, после чего подвигаюсь ближе к сестре.

– Мне кажется, ему по нраву Сорра.

Брови Ноллы Верин приподнимаются в удивлении.

– Неужели?

Я поудобнее устраиваюсь среди одеял и стараюсь придать голосу скучающий тон, потому что мне не хочется, чтобы сестра доставала моих стражников.

– У меня давно появились такие подозрения.

На самом деле это не просто подозрения. Год назад во время празднования наступления середины зимы я обнаружила Пэрриша и Сорру в тени деревьев за нашим дворцом. Они в спешке отскочили друг от друга. В их блестящих глазах отражались звёзды, а бледные щеки Сорры украшал румянец.

– Не хотела вам помешать, – сказала я им, после чего развернулась и бегом бросилась обратно на бал еще до того, как мое лицо успело покраснеть.

Ни один юноша не смотрел на меня так, как Пэрриш смотрел на Сорру. Я думала об увиденном поцелуе намного дольше, чем готова была признать.

Сорра всегда держится сдержанно и отстраненно. Она стойкая и решительная, как и другие стражники. Ее длинные каштановые волосы заплетены в косу, спрятанную под доспехами. Она не носит украшений на своем стройном теле, не подкрашивает углем глаза, а щеки – румянами, но все и без этого видят мягкую красоту ее лица. Пэрриш тоже обладает стройной фигурой. Он не такой мускулистый, как большинство мужчин в страже, но обладает быстрой реакцией и отменными боевыми навыками. Многие считают его молчаливым, но на самом деле он просто осторожен в словах. Когда я остаюсь наедине со своими стражниками, Пэрриш часто шутит. А у Сорры он может вызвать улыбку одним лишь мимолетным взглядом.

Моя сестра внимательно смотрит на меня. Ее голос, наконец, становится тихим, едва слышным.

– Лия Мара, тебе нравится Пэрриш?

– Что? Нет! Конечно, нет.

Взгляд Ноллы Верин впивается в мое лицо.

– А Сорра?

– Нет, – наконец я в силах поднять на сестру глаза. – Мне нравится...

Мой голос прерывается, и я вздыхаю.

– Кто? – она хихикает и пододвигается ближе. – Ох, ты теперь просто *обязана* сказать мне.

– Мне нравится идея того, что я могу нравиться мужчине, – отвечаю я, чувствуя, как мой румянец становится ярче. – Мне нравится идея существования спутника жизни.

– Оу, – Нолла Верин перекачивается на спину с явным разочарованием. – Ты принцесса, Лия Мара. Ты нравишься всем.

А вот это – точно неправда. Никто из мужчин при дворе не ищет женщину, которая лучше бы обсудила экстенсивный путь развития экономики или древнюю мифологию, чем продемонстрировала бы свои таланты на поле боя или в бальном зале.

– Я не хочу нравиться мужчине из-за того, что я дочь Карис Люран. Я не желаю внимания от человека, который считает, что я помогу ему достичь выгодного положения при дворе.

– Ну, в нашем роду женщины ценятся только за это.

Голос сестры звучит по-деловому, и ее нисколько не расстраивает данный факт. Возможно, она даже не шутила, когда говорила, что готова разделить ложе с принцем. Или когда просила меня первой попробовать переспать с мужчиной, чтобы я могла потом ей это описать. Наверное, моя сестра рассматривает все это как очередную королевскую обязанность, как нечто такое, чему можно научиться и отточить до совершенства.

Я падаю на покрывала рядом с Ноллой Верин, глядя на темнеющие тканевые стены шатра.

– Именно поэтому мне больше нравятся юноши из книг.

– О, я абсолютно уверена, что сухие страницы со словами греют тебя по ночам своим теплом.

– Ты такая вульгарная, – хихикаю я и поворачиваю голову, чтобы взглянуть на сестру.

Нолла Верин показывает неприличный жест и улыбается. Я хлопаю ее по руке, и сестра заливается смехом.

Я знаю, что она станет выдающейся королевой, но мне хочется запомнить свою сестру именно такой: улыбающейся лишь для меня и без жестокой решимости во взгляде.

По лагерю разносится крик, за которым следуют громкие голоса и истошный девичий вопль. Я слышу голос мужчины, который говорит на общем наречии Эмберфолла. Его акцент более выражен, чем акцент нашего учителя, поэтому мне требуется чуть больше времени, чтобы разобрать его слова.

– Умоляю, – говорит он, – мы не причиним вам вреда. Позвольте нам пройти с миром.

Нолла Верин уже выбралась из нашего шатра, и я стараюсь от нее не отставать.

Наша стража развела костер, над которым на вертеле было подвешено несколько зайцев. Тем не менее, никому нет дела до еды. Тик и Дил направляют арбалеты на мужчину средних лет, который, сгорбившись, стоит на коленях, прикрывая своим телом маленькую девочку. Большая часть его лица скрыта густой бородой. Несколько коричневых шкурок зверей лежат на земле рядом с ним.

Моя матушка стоит в свете костра. Ее высокая стройная фигура и прямые рыжие волосы до плеч приковывают к себе взгляды.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает она.

– Я зверолов, – отвечает мужчина. – Я увидел ваш костер и подумал...

Охнув, мужчина умолкает, когда Дил подступает ближе, чтобы ткнуть арбалетной стрелой зверолова в спину. Если Дил нажмет на спусковой крючок из такого положения, то оружие проткнет стрелой и мужчину, и девочку.

– Я-я-я безоружен, – запинаясь, говорит зверолов.

– У тебя на поясе висит нож, – говорит матушка. Нож виден всем, а она терпеть не может глупцов.

Рука мужчины дергается, словно он пытается схватиться за нож, но Тик, стоящий перед звероловом, едва заметно приподнимает свой арбалет. Ладонь мужчины поднимается вверх в попытке доказать, что он не собирается нападать.

– Этот нож тупой! – восклицает он, и девочка под ним всхлипывает. – Он нужен лишь для того, чтобы снимать шкуры. Возьмите его. Забирайте все, что у меня есть.

Сердце громко колотится у меня в груди. Мы проезжали через руины городов, через разрушения, устроенные нашими солдатами. Людей здесь немного, но в то же время мы пытаемся добраться до Замка Железной розы незамеченными. Если мы отпустим этого мужчину, то молва о нас разлетится быстро, и на нас смогут напасть еще до того, как мы прибудем на место назначения. Как говорила моя сестра, мы все-таки на вражеской территории.

«На вражеской из-за наших собственных действий», – тихо замечает мой внутренний голос.

Если мне не хотелось видеть результаты наших нападений на Эмберфолл, то я была абсолютно уверена, что не хочу быть свидетельницей убийства.

Стоящая рядом со мной Нолла Верин ни о чем не беспокоится. Она выглядит так, словно ей любопытно. Сестра с нетерпением ждет, как матушка со всем разберется.

К моему удивлению, матушка поворачивается к Нолле Верин.

– Моя дочь решит твою судьбу, зверолов.

Моя сестра вытягивается в струнку. Это не первый раз, когда матушка обращается к одной из нас для того, чтобы мы приняли решение. Однако впервые на кону оказываются жизни людей.

Взгляд мужчины останавливается на моей сестре. Из-под его руки выглядывает девочка. По ее испачканным щекам текут слезы.

– Умоляю, – произносит мужчина севшим голосом. – Мы никак не связаны с конфликтом между вашим народом и нашим.

Я не вижу выражения лица сестры, но по горечи, наполнившей взгляд мужчины, я понимаю, что Нолла Верин уже все решила. Зверолов поворачивает голову, чтобы тихо что-то сказать девочке, которая прячется под его телом. Из ее груди вырывается всхлип.

Я протягиваю ладонь, чтобы схватить сестру за руку.

– Нолла Верин, – шепчу я, – мы здесь, чтобы найти путь к миру.

Сестра сжимает мои пальцы, после чего переводит на меня взгляд. Я хочу увидеть в ее глазах хотя бы толику сомнения или хотя бы сожаление или испуг от необходимости сделать выбор.

Ничего подобного я не нахожу. Нолла Верин снова смотрит на Дила.

– Убей его.

Девочка кричит. Арбалет вздрагивает. Мужчина падает на землю. Девочку больше не видно. Стрела, судя по всему, пронзила их обоих насквозь.

Лес погрузился в тишину, которая длится недолго. Нолла Верин окидывает взглядом стражу.

– Увеличьте вдвое количество обходов за ночь. Я не хочу, чтобы в наш лагерь забрел еще какой-нибудь зверолов.

Сестра разворачивается на пятках и следует в наш шатер.

Я не могу следовать за ней. Каждый стражник на поляне наверняка чувствует, как я несчастна.

От матушки это тоже не укрылось.

Я тоже отворачиваюсь от мертвых тел. Я не могу вернуться в шатер, но я могу идти. Сорра и Пэрриш последуют за мной, хотя я не чувствую, что достойна охраны. Не сейчас. Я делаю шаг в густую тьму, окружающую лагерь.

Между деревьями мелькает отблеск золота, едва попавший в свет костра. Я замираю на месте и прищуриваюсь.

Нет, это было не золото, а светлые волосы. Я вижу девочку, которая старше той, что прикрывал собой мужчина. Ее ладони прижаты к лицу, а плечи трясутся. На плече девочки висит длинная связка шкур.

Она плачет.

Взгляд девочки встречается с моим, и она охает, замирая на месте. Ее лицо искажается от паники.

Я слегка качаю головой. Мой безмолвный знак едва заметен.

«Нет, – хочу сказать я. – *Держись подальше. Беги*».

– Лия Мара, – зовет меня матушка.

Меня не должна волновать судьба какого-то незнакомца и его дочери. *Дочерей*. Я сгла-
тываю.

Мне должно быть все равно.

Матушка не будет звать меня дважды. Я поворачиваюсь, приготовившись к тому, чтобы выслушивать упреки в свою сторону.

Пэрриш, мой стражник, здесь, рядом со мной. Он последовал за мной к деревьям, как и должен был. Мне хватает одного взгляда, чтобы понять, что он тоже видел девочку. Заряженный арбалет зажат у Пэрриша в руке, и у меня внутри поднимается волна страха.

Стражник качает головой, повторяя мой едва заметный знак, сделанный минуту назад.

– Вам не следует уходить в лес, – говорит он. – Кто знает, какие еще опасности могут скрываться среди деревьев.

Я с трудом сдерживаю вздох облегчения. Пэрриш не станет преследовать девочку.
Мой взгляд возвращается к месту, где пряталась дочка зверолова. Теперь там нет ничего, кроме темноты.

Если я снова посмотрю на Пэрриша, матушка поймет, что что-то не так. Я расправляю плечи.

– Да, матушка.

– Составь мне компанию.

Она сидит у костра. Рядом с мертвыми телами.

Это будет моим наказанием за то, что я продемонстрировала слабость. За то, что просила сестру проявить милосердие.

Именно поэтому королевой будет Нолла Верин.

Глава 4

Грей

С тех пор как вчера мы столкнулись с солдатами Королевской армии в таверне у Джоди, я чувствовал себя напряженным и раздраженным. Я не мог перестать думать о том, что капитан вот-вот объявится у Уорвика и потащит меня назад в Замок Железной розы. Хуже того, они могли затащить меня за стадион и отделить мою голову от тела.

Мое беспокойство было иррациональным. Лишь немногим известно, кто я такой и что мне известно.

Лишь колдунье Лилит было известно все, но она мертва. Я собственноручно перерезал ей горло.

Также все знает моя матушка, которая даже не является моей матерью. Я ушел от нее с пустыми руками, отдав ей все серебро и медяки, что у меня были. Также я оставил ей все возможные предостережения. Надеюсь, она взяла деньги и уехала, но если кто-то меня ищет и направится с вопросами к моей матери, то она сможет сказать только правду: я навещал ее, но затем ушел в неизвестном ей направлении.

Все обо мне известно еще одному человеку – Карис Люран, которая, если верить словам Лилит, будет использовать данную информацию, чтобы уничтожить Рэна, если тот ей вообще поверит.

Мое дурное расположение духа передалось Тайко и усилилось под воздействием стоящего на дворе зноя. Сегодняшняя погода принесла с собой сгущающиеся тучи, которые должны были бы стать предвестниками ливня, но лишь сделали воздух тяжелым от влажности, из-за которой все покрывались испариной и чувствовали себя несчастными. Тайко выравнивает пространство между трибунами и ареной, и каждое протягивание граблей по земле больше похоже на атаку. Пыль поднимается в воздух и оседает на всем, в том числе на сиденьях с дорогими подушками, которые я только что протер.

– Эй! – взрываюсь я.

Тайко резко оборачивается, немного хмурясь.

– Поставь грабли, – говорю я, стараясь скрыть раздражение в голосе. Я опускаю тряпку в ведро, отжимаю ее и снова начинаю протирать сиденья. – Ты только пыли нагоняешь.

Должно быть, Тайко чувствует себя виноватым, потому что когда он возвращается, то приносит с собой еще одну тряпку, чтобы протереть ей перила. Некоторое время мы работаем молча, наслаждаясь послеполуденной тишиной.

Когда Тайко ведет себя так тихо, он мне напоминает Кейда – одного из моих братьев. Кейду исполнилось тринадцать, когда мне было шестнадцать. Не знаю почему, ведь Тайко и Кейд совершенно не похожи. Кейд бы рот не закрывал, болтая о всяких пустяках, в то время как от Тайко можно часами не услышать ни единого слова. Но Кейд тоже мог опустить голову и работать не покладая рук. Он помогал матушке справляться с фермой, когда я покинул их.

После того, как Лилит убила всех моих братьев и сестер, я очень старался забыть о них. Может быть, попытки стереть из памяти годы, проведенные в роли стражника, позволили более ранним воспоминаниям заполнить мой разум. Или же, возможно, я не мог перестать думать о своей семье, потому что узнал, что на самом деле мы не являемся кровными родственниками.

Не уверен, что мне все это нравится. Особенно если учесть, что у нас с Тайко закончились дела.

– Слишком жарко, чтобы бегать, – замечаю я.

– Слишком жарко, чтобы вообще что-то делать, – Тайко зачерпывает руками воду и выплескивает ее себе на затылок.

– О, а я собирался спросить, не хочешь ли ты сходить за тренировочными мечами, – говорю я.

– Постой. Серьезно? Хочу! – Тайко вытягивается по струнке, забыв о жаре.

– Тогда бегом за мечами.

Я оставляю ведро позади сарая и развешиваю тряпки, чтобы они высохли. К тому времени как я оказываюсь в оружейной, у Тайко в руках уже зажат легкий тренировочный меч, которым он выписывает выученные фигуры. На данный момент у него получается настолько хорошо, что я мог бы доверить ему настоящий клинок, но не здесь и не сейчас. Как Хок я не должен знать маневров сложнее базовых блоков и ударов.

Мы упражняемся в узком пространстве между оружейной и конюшнями, где Уорвик складировал крупногабаритные вещи. Здесь стоит клетка со скрейвером – нашим единственным зрителем, хотя его темный силуэт кажется неподвижным. Уорвик не шутил, когда говорил про пять медяков за возможность взглянуть на диковинное существо. Вчера он попытался брать именно такую плату, и у него даже получалось, пока какой-то человек не пожаловался, что платил вовсе не для того, чтобы увидеть полудохлую кучу кожи и перьев.

Теперь скрейвер большую часть дня спит, свернувшись в кокон из собственных крыльев.

Тайко начинает уставать. Я даю ему возможность нанести мне удар. Он тут же ее видит и бросается в атаку. У меня едва ли есть время, чтобы отскочить в сторону от его лезвия.

Парень тяжело дышит от усилий, но улыбается.

– Я почти тебя задел.

Я не могу сдержать ответной улыбки.

– Почти, – я стучу по его клинку своим и откидываю назад прилипшие ко лбу волосы.

– Время для игр закончилось, ребята, – раздается громогласный мужской голос. Я узнаю этот голос еще до того, как вижу его владельца. Это Кантор – один из «чемпионов» Уорвика.

У Уорвика есть два человека для сражения на турнирах: Кантор и Йорн. Оба средних лет, хорошо владеют мечом, как им и положено, ведь они должны сражаться с любым, кто бросит им вызов. Тем не менее, главная ценность Кантора и Йорна для Уорвика заключается в том, что они умеют устроить для публики отличное зрелище. Один из этих мужчин немногословен и скромнен, если находится не на арене, и у него в карманах всегда найдутся леденцы для детишек, которые подбадривают его с трибун, а после турнира он всегда идет домой к своей жене и трем маленьким сыновьям. Один из этих мужчин – славный человек, который работает на совесть, сражается по правилам и зарабатывает на жизнь честно.

А вот второй – это Кантор.

Кантор – это человек, который делает ставки на свой проигрыш, так что даже если он проигрывает поединок, то все равно остается в выигрыше. Уорвик должен пресекать подобное, но я более чем уверен, что Кантор отдает ему часть выигрыша. Он громкий, хамоватый и врет без задней мысли. Кантор предстает перед публикой идеальным злодеем. К сожалению, его безобразное поведение выходит еще и за рамки арены.

Тайко начинает двигаться, чтобы положить меч на место, но Кантор берет один из боевых клинков и проворно выбивает из рук мальчика оружие, посылая его на пыльную землю.

– Когда ты уже научишься держать меч как настоящий мужчина? – спрашивает Кантор.

– Оставь его в покое, – одергиваю его я.

Тайко молча поднимает свой клинок, опустив голову вниз перед Кантором, но я вижу, как он хмурится.

Кантор думает как ребенок, и сейчас, когда он нашел себе забавное развлечение, мне не составляет труда определить по едва заметному смещению его центра тяжести, что мужчина снова собирается выбить у Тайко оружие из рук, но на этот раз он намеренно сделает так, чтобы мальчику было больно.

Я делаю шаг вперед, направляю свой тренировочный меч сверху вниз и прижимаю клинок Кантора к стене.

Голова мужчины резко поворачивается ко мне. Рот Кантора открывается от удивления, хотя он тут же быстро его закрывает.

– Я тебе за это должен руку отрубить, – он со скрежетом высвобождает свой меч.

Я могу отрубить *ему* руку еще до того, как он доберется до моей, но я лишь пожимаю плечами и отвожу взгляд. Лучше всего не воспринимать Кантора всерьез.

– Тренировочные мечи тупят настоящие. Если хочешь позабавиться, то лучше делай это со своим оружием, или для начала переговоров с Уорвиком.

Кантор хмурится, но я прав, и он это знает. Однако гордость не позволит ему повесить оружие обратно. Он отступает назад, размахивая мечом из стороны в сторону, выписывая узоры в пыльном воздухе. Кантор останавливается напротив клетки со скрейвером.

– И что Уорвик собирается делать с этим? – мужчина тычет в существо острием меча, но скрейвер не двигается.

– Не делай ему больно, – говорит Тайко.

– Не делать больно? Да оно и так уже почти сдохло, – Кантор подходит ближе к клетке и, сунув клинок между прутьев, протыкает плоть существа.

Скрейвер ревет и подскакивает на ноги, размахивая крыльями и брызгая кровью. Он ударяется о прутья клетки, пытаясь достать Кантора когтями и истошно визжа, отчего лошади в конюшнях начинают беспокойно переминаться с ноги на ногу и фыркать.

Кантор отпрыгивает назад, путается в собственных ногах и тяжело падает в пыль. Поперек его предплечья расплываются три кровавых полосы. Мужчина чертыхается, поспешно встает с земли и поднимает свой меч так, будто собирается всадить лезвие в живот скрейвера.

Тайко выскакивает перед Кантором, прислоняясь спиной к прутьям клетки.

– Не надо!

Я готов к тому, что скрейвер раздерет когтями и Тайко, но существо лишь пятится назад и рычит.

Кантор выглядит так, будто готов переступить через труп мальчишки, если потребуется.

– Довольно, – я встаю у него на пути.

Кантор поднимает свой меч еще на несколько сантиметров выше.

– С дороги, или вам обоим не поздоровится.

Тренировочный клинок все еще у меня в руке, и мои пальцы крепче сжимаются на рукоятке.

Не знаю, что видит Кантор в выражении моего лица, но его глаза округляются от удивления. Он издает хриплый смешок.

– Хочешь биться со мной, парень? Из-за этой твари? – Кантор указывает мечом на скрейвера. – Ну, попробуй. Посмотрим, как долго ты сможешь продержаться.

Я готов поддаться искушению.

– Что тут происходит? – кричит Уорвик, и его голос громом разносится по небольшому пространству. Рев скрейвера, должно быть, привлек внимание мужчины. Скорее всего, поднятый шум был слышен половине города.

Периферическим зрением я замечаю, как Уорвик появляется из-за угла, но продолжаю смотреть на стоящего передо мной человека. Кантор тоже не сводит с меня взгляда.

– Кантор! Хок! – Уорвик явно находится в замешательстве. – Что... что вы делаете?

– Кантор собирался убить вашего скрейвера, – встревает Тайко. – Хок ему помешал.

– Ай, я же просто пошутил, – растягивая слова, отвечает Кантор. Он немного опускает меч и поднимает вверх руку. – Эта тварь меня неплохо так покромсала.

– Ты первым начал, – замечаю я.

За моей спиной скрейвер снова рычит.

– Полно дурачиться, – говорит Уорвик. – Главный маршал прислал нам королевский указ, который нужно будет зачитать перед турниром. Улицы полнятся слухами, так что у нас сегодня все битком будет забито.

Этих слов достаточно, чтобы отвлечь меня от Кантора.

– Королевский указ?

– Принц предлагает пять тысяч серебряных любому, кто предоставит ему человека, в котором течет чародейская кровь.

Я застываю. *Чародейская кровь*. Рэн не может заявить напрямую о том, что ищет наследника, потому что таким образом он даст подтверждение слухам.

Тем не менее, он ищет. Ищет *меня*.

– Пять тысяч серебряных! – Кантор, наконец, опускает клинок и отворачивается от меня. – Уорвик, да за пять тысяч серебряных я бы и тебя сдал!

– Нужно представить доказательство наличия магии, – говорит Уорвик, и его глаза загораются. – Тайко. Хок. Вы бываете в городе. Вам не доводилось замечать присутствие магии в Риллиске, а?

Как будто мы с Тайко настолько глупы, что назовем ему чье-то имя и позволим Уорвику забрать вознаграждение.

Что ж, по крайней мере, я в какой-то степени пока нахожусь в безопасности. Я никогда не мог сам пользоваться магией. Может быть, Лилит ошиблась. Может быть, я никакой и не наследник.

«Ты ведь хочешь знать правду?» – спрашивала она меня. – *Про кровь, что течет у тебя в жилах? Как так вышло, что ты оказался единственным выжившим стражником?»*

Мне хочется, чтобы колдунья заблуждалась.

Однако она была права. Я знаю, что она не ошиблась. Моя матушка во всем призналась, прежде чем я пустился в бега.

– Никто не видел магию, – говорит Тайко. – Все колдуны были убиты еще до моего рождения.

– Не все, судя по всему, – замечает Уорвик. – Хок, ты не заболел?

– Нет, я в порядке, – я заставляю свои конечности двигаться и вешаю клинок обратно на стену.

– Кантор, это ты порезал моего скрейвера? – Уорвик недовольно цокает языком. – Хок, подлатай его, будь добр.

– Хорошо.

Понятия не имею, как я буду это делать, но мои мысли сейчас заняты абсолютно другим.

Пять тысяч серебряных для большинства людей – это целое состояние. Жители Эмберфолла озлобятся друг на друга, лишь бы получить такие деньги. Рэн, должно быть, в отчаянии.

– Готовьтесь к столпотворению, ребята, – говорит Уорвик. – Тайко, будь готов наливать выпивку. Я не хочу, чтобы за элем выстраивались очереди. Уверен, мы на одних лишь ставках славно заработаем.

– В этом можешь на меня положиться, – смеется Кантор и дружелюбно хлопает мужчину по плечу. Уорвик улыбается и направляется обратно на главный двор.

Я вздыхаю и смотрю на Тайко.

– Принеси-ка веревки. Я схожу за иглой.

* * *

Арена закрылась далеко за полночь. Когда мы с Тайко, наконец, забрались по приставной лестнице на наш чердак, мальчишка даже не потрудился зажечь лампу, а просто рухнул на постель. Я был готов к тому, что Тайко уснет так же быстро, но вместо этого он говорит:

– Даже представить себе не могу пяти тысяч серебряных сразу.

Мне даже представлять не нужно, но я отвечаю:

– Весь вечер только об этом и слышу со всех сторон.

– Как думаешь, сколько они весят?

– Так много, что ты превратишься в горбуна под их тяжестью.

Это неправда, и Тайко смеется, а после наступает тишина.

Я рассматриваю ветхие деревянные стропила у себя над кроватью. На чердаке пахнет сеном и лошадьми. Сюда поднимается спертый воздух из конюшен, но меня это не беспокоит. Здесь тепло, сухо и безопасно. Тайко мне опасаться не стоит.

– Я мог бы выкупить у Уорвика свою свободу, – тихо говорит мальчик.

Я поворачиваю голову в сторону Тайко и вижу лишь его призрачный силуэт в полуночной тьме.

– Свободу?

– Я дал ему клятву, – Тайко запинается, затем продолжает. – Еще два года осталось.

– Как так вышло?

– Невезение. Долги.

Я не видел, чтобы Тайко хоть раз поставил на кон даже один-единственный медяк.

– Долги не твои.

– Отцовские, – Тайко делает глубокий вдох. – У меня есть две младшие сестры, и я знаю, для чего Уорвик их использовал бы. Моему брату едва исполнилось шесть. Моей семье было больше нечего предложить, так что...

Я снова смотрю на стропила.

– Как-то я тоже присягнул на верность ради своей семьи. Однако моя клятва была дана добровольно.

– Моя тоже, – говорит Тайко.

Не думаю, что наши с ним жизненные ситуации похожи. Хотя, может быть, так и есть.

– Два года – это не так уж много, – продолжает Тайко. – Как много времени у тебя ушло, чтобы получить свободу?

Этот разговор вытаскивает на поверхность воспоминания, которым лучше было бы оставаться на дне.

– Вечность.

Тайко тихо смеется.

– Прекрасно понимаю, что ты имеешь в виду. Нет. Он даже понятия не имеет.

Когда Тайко снова начинает говорить, он запинается.

– Хок, я не... Я никому не говорил об этом, – в слова мальчика вплетается нотка беспокойства. – Если люди будут знать, что я дал Уорвику клятву, они. Точнее, *они* может. – голос Тайко обрывается.

Я думаю о том, как Тайко обычно исчезает, когда ночные посиделки затягиваются, а трезвых мужчин в округе практически не остается. Мое мнение об Уорвике несколько улучшается, поскольку он не загоняет Тайко до полусмерти и позволяет ему прятаться.

– Я буду хранить твой секрет.

Тайко ничего не отвечает, и через мгновение я поворачиваюсь к нему. Тьма вокруг стоит практически непроницаемая, но в глазах мальчика отражается непонятно откуда взявшийся отблеск света.

Я задаюсь вопросом, жалеет ли Тайко о том, что поделился со мной своей тайной.

– Тебе не нужно меня бояться, Тайко.

– Я знаю.

Он отвечает мне вот так просто, без раздумий. Такому уровню доверия я могу только позавидовать.

– Кому ты присягнул на верность?

Мои веки опускаются. Без всякого предупреждения мысли дрейфуют к Замку Железной розы, к его километровым мраморным коридорам, высоким расписным потолкам. Я вспоминаю о тренировочной арене, оружейной, конюшнях. В моем воображении каждая мелкая деталь всплывает настолько четко, что я бы смог сориентироваться там с закрытыми глазами даже сейчас.

«Ты жалеешь, что присягнул мне?» – как-то спросил меня Рэн.

Я не жалел. До сих пор не жалею. Даже в эту самую секунду.

Тайко все еще ждет от меня ответа. Я качаю головой.

– Никому важному.

– Я тоже буду хранить твой секрет, Хок, – тихо произносит Тайко.

У него хорошие намерения, и сейчас он, может быть, и уверен в своих словах, но у меня нет гарантий того, что мальчишка не сдаст меня, обменяв мою тайну на свою свободу.

– Да это не секрет, – лениво отвечаю я, переворачиваясь на бок, спиной к Тайко. – Просто ничего такого интересного, чем можно было бы поделиться.

Тайко вздыхает. Я стараюсь дышать медленно и размеренно, чтобы он думал, будто бы меня сморил сон. В конце концов его собственное дыхание выравнивается, сопровождаясь легким похрапыванием на каждом выдохе.

Наш разговор гарантировал мне бессонницу на ближайшее время.

Когда Рэн освободил меня от клятвы, он посоветовал мне начать новую жизнь на другой стороне – в Вашингтоне, округ Колумбия, родном городе Харпер. Мои посещения ее города каждый сезон ограничивались часом, так что я не был абсолютным невеждой, когда дело касалось ее мира. Тем не менее, я не мог представить себе жизнь в месте, которое так разительно отличалось от Эмберфолла. Традиции, одежда, деньги – все это я видел, но не был уверен, что смог бы примерить это на себя, не вызвав подозрений.

Чародейская кровь. Даже если в моих жилах есть магия, то я понятия не имею, как получить к ней доступ. Я смотрю на стропила, вспоминая, с какой легкостью магия Лилит переносила меня через завесу в Вашингтон. Я закрываю глаза и вспоминаю то ощущение. На долю секунды воздух вокруг меня становится тяжелее, и я перестаю дышать, гадая, получилось ли у меня что-нибудь.

Я распахиваю глаза. Надо мной нависают стропила конюшни. На другом конце чердака тихо посапывает Тайко.

Черт возьми.

Я нащупываю шов, идущий по краю моего матраса, и медленно тяну за нитки, пока строчка не начинает расходиться. Я проделываю это аккуратно, чтобы потом можно было затянуть нити обратно. Сунув руку в образовавшуюся дыру, я копаюсь в соломе, пока не чувствую в ладони вес серебра.

Это браслет. По крайней мере, это был браслет до тех пор, пока я не выменял день тяжелой работы на услуги кузнеца, чтобы снять украшение со своей руки. Теперь я являюсь владельцем шрама на запястье и ободка из серебра, в котором не хватает одной четвертой части. Когда я был в ловушке проклятия вместе с Рэном, Лилит при помощи магии привязала браслет к моей руке, чтобы позволить мне проходить сквозь завесу между мирами.

Понятия не имею, сохранило ли украшение свои волшебные свойства. Это единственная магия, которой мне доводилось манипулировать, и эта магия была магией Лилит, а не моей. Браслет был зачарован при помощи ее силы.

Я смыкаю пальцы на ободке из серебра и закрываю глаза. Едва ли не против моей воли в моем воображении тут же всплывает стена, через которую я немедленно прохожу.

Запахи конюшни и чердака внезапно исчезают, и воздух вокруг резко становится прохладным. Тихие звуки, издаваемые лошадьми, сменяются низким гулом. Я открываю глаза и

вижу белые стены, а выше – длинные цилиндрические источники неяркого света. Меня окружают бесконечно тянущиеся башни из книг. Такого количества книг я не видел даже в королевской библиотеке Замка Железной розы. Помещение, в котором я нахожусь, совсем не похоже на библиотеку замка, если не считать множества книг. В зале все выглядит отполированным до блеска и неестественно белым.

Я не в Риллиске. Я даже не в Эмберфолле. Я нахожусь в Вашингтоне, округ Колумбия. Вероятно, даже во многих километрах от города, в том месте, где Риллиск совпадает с миром Харпер.

Браслет до сих пор работает.

Некоторое время я сижу и вдыхаю прохладный воздух, который кажется блаженным в сравнении с тяжелой влажностью Эмберфолла. Я не знаю, где нахожусь, но здесь тихо и безопасно. Рэн до меня здесь не доберется. Хотелось бы мне сказать, что здесь до меня не доберется никто.

Но куда мне пойти? Чем зарабатывать себе на жизнь? На этой стороне вряд ли нужны мечники и, по моим наблюдениям, конюхи тоже. Девушки, которых я похищал для Рэна, были едва знакомы с оружием и лошадьми. Тем не менее, я уверен, что они обладали навыками, полезными для этого мира. Навыками, которых у меня самого нет.

Я слышу какой-то металлический лязг, за которым следует скрип, и подскакиваю на ноги. Хотелось бы, чтобы у меня было оружие, но в моей руке зажат только серебряный браслет.

Пожилая женщина выталкивает из-за угла некое подобие тележки. Ее длинные седые волосы собраны в косу, свисающую через плечо. Она удивленно вздрагивает при виде меня, но выражение ее лица быстро разглаживается, сменяясь мягкой улыбкой.

– Я знаю, что библиотека работает круглосуточно, но студентам здесь спать нельзя.

Я набираю в грудь воздуха.

– Прошу прощения.

Женщина окидывает меня взглядом, замечая одежду из Риллиска, которая совсем не похожа на ту, что носят на этой стороне. Когда она замечает мои босые ноги, улыбка исчезает с ее лица.

– У тебя вообще есть место, где ты можешь переночевать?

Я гадаю, что она сделает, если я отвечу «нет». Куда мне идти? Куда она меня направит? Она кажется доброй. Я размышляю о том, получится ли у меня найти пристанище в этом мире.

Из-за угла появляется мужчина, который выглядит намного моложе и сильнее женщины с тележкой. Он хмурится, когда замечает меня. Выражение его лица такое же удивленное, как и у женщины, но его взгляд при этом остается холодным и оценивающим. Голос мужчины звучит тихо, едва слышно, но я все равно разбираю его слова.

– Бездомный? – шепчет он. – Звонить копам?

Женщина едва заметно кивает, после чего делает шаг в моем направлении.

– Ты голодный? Мы можем тебя покормить.

В моих ушах все еще звучит вопрос мужчины. Копы – это стражи порядка на этой стороне. Мне как-то доводилось с ними сталкиваться. От них кому-то вроде меня не стоит ждать ничего хорошего.

В этом мире мне не найти пристанища. Не сейчас. Не при таких обстоятельствах.

Я закрываю глаза, представляю стену и прохожу через нее.

На мои веки тут же начинает давить безмолвная темнота. Я в безопасности. Я вернулся обратно. Сделав вдох, я открываю глаза.

Тайко стоит прямо передо мной.

«*Черт поберу*». Браслет выскользывает у меня из пальцев и со стуком оказывается на полу.

Мальчишка стоит с широко распахнутыми глазами и дышит так, словно за ним по пятам бежит бешеная собака.

– Ты исчез, – Тайко бросает быстрый взгляд на мою кровать, которая теперь находится от меня в паре метров, и затем снова смотрит на меня. – А потом появился прямо тут.

Я ничего не говорю. Отрицать очевидное бессмысленно.

Тайко пытается встретиться со мной взглядом в темноте.

– Так это тебя ищут?

– Этим вопросом ты решишь свою судьбу.

Тайко нервно сглатывает.

– Хок, это ты?

На чердаке повисло напряжение, которое, подобно безмолвному судье, приковало меня к месту.

– Да.

– Что с тобой сделают, если тебя найдут?

– Меня не найдут.

Мои слова звучат как угроза, и Тайко вздрагивает. Я должен чувствовать себя виноватым за это, но не чувствую. Я слишком хорошо научился блокировать эмоции, чтобы они не мешали мне делать то, что нужно было сделать.

Тайко делает вдох и, судя по всему, берет себя в руки, потому что его спина выпрямляется, когда он снова смотрит на меня. В нем больше храбрости, чем он думает.

– Скажи мне, что с тобой сделают.

– Трудно сказать наверняка, но вряд ли это обернется для меня чем-то хорошим.

– Тебя убьют?

– Да.

Голос Тайко становится очень тихим.

– Ты сделал что-то плохое?

– Ответ на этот вопрос очень длинный и сложный, – говорю я, наблюдая за выражением лица Тайко. – Но если коротко, то нет. Ничего плохого из того, о чем ты думаешь. За мной охотятся не из-за того, что я *сделал*, а из-за того, *кто* я такой.

Тайко внимательно смотрит на меня, а я – на него. Я могу свернуть ему шею в перерыве между вдохами. Можно будет сбросить его тело с чердака и представить все таким образом, будто мальчишка ночью свалился с лестницы. Никто даже ни о чем спрашивать не будет. И, скорее всего, никто даже не будет горевать по нему.

«Не считая меня».

Мысль пронзает меня, словно стрела, и я тру лицо ладонями. Я буду скорбеть по Тайко. Мне не хочется его убивать. Он доверяет мне. Вероятно, только мне.

Парень дотрагивается до моего локтя, и я резко опускаю руки вниз.

– Я никому ничего не скажу, – говорит Тайко, и его голос звучит тихо и серьезно, как будто мы продолжаем наш прошлый разговор перед сном, после которого ничего не случилось.

– Даже несмотря на то, что у тебя появилась возможность выкупить свою свободу?

Тайко вздрагивает от удивления, после чего его лицо кривится от обиды.

– Я не собираюсь обменивать свою свободу на твою смерть.

Наступает моя очередь вздрагивать. Только что я едва не сделал с ним подобное. Сделав вдох, чтобы успокоиться, я протягиваю руку и ерошу ему волосы, после чего по-дружески толкаю в плечо.

– Для меня честь, что ты доверишь мне, Тайко.

Мальчишка краснеет так сильно, что я замечаю это в темноте.

– Ну, я могу то же самое сказать о тебе, Хок.

Напряжение между нами исчезло так быстро, что я даже задумался, не почудилось ли оно мне. Я помню, каково это, доверять кому-то. Я помню, что значит иметь друга, на которого можно положиться. Я и понятия не имел, как сильно мне всего этого не хватало до тех пор, пока оно не оказалось у меня под самым носом.

– Грей, – мягко поправляю я. – Не Хок.

Глаза Тайко распахиваются от удивления, но он улыбается.

– Грей.

– Мой секрет подвергает тебя опасности, – мрачно замечаю я. – Если меня поймают и выяснится, что ты все знал...

– Тогда сделай так, чтобы тебя не поймали.

Его слова заставляют меня улыбнуться.

– Ложись спать, – говорю я. – Лошади еще до рассвета начнут требовать завтрак.

Тайко забирается в свою кровать, и я возвращаюсь в свою. Между нами снова воцаряется молчание. На этот раз оно на меня не давит. Мое сердце не начинает биться чаще, пытаюсь подготовиться к скрытой в ночи опасности.

– Джоди сказала, что ты ешь как человек из знатного рода, – говорит Тайко. – Ты был дворянином? До всего этого?

– Нет, – отвечаю я, и мне становится так хорошо от того, что я могу хоть кому-то сказать правду, что едва не вываливаю перед Тайко всю историю от начала до конца. – Я был мечником. В Королевской гвардии.

– О.

Груз правды на некоторое время заставляет Тайко замолчать, но затем мальчишка перекачивается на бок лицом ко мне.

– Погоди-ка.

Я замираю, готовясь к тому, что правда могла что-то изменить.

– Что?

– Получается, ты мне поддавался, когда мы упражнялись на мечях.

– Да, так и было.

– И ты можешь научить меня большему?

В голосе Тайко звучит такое ярое нетерпение, что я не могу удержаться от смеха. Скорее всего, мне нужно было просто предложить в обмен на его молчание уроки по владению мечом.

– Так научишь? – напирает Тайко. – Если мы будем держать наши тренировки в тайне?

– Да, – говорю я, улыбаясь. – Конечно.

Глава 5

Лия Мара

Дни идут. К тому времени как мы подъезжаем к замку принца, я измотана дорогой и беспокойством. Я все еще делю карету с сестрой, потому что альтернативой было бы нахождение в одной карете с матушкой. Нолла Верин, может быть, и не разделяет моего унылого настроения, но она хотя бы не читает мне лекции об обязанностях главы государства. Сестра знает, что меня расстроило – вероятно, все в курсе этого, – но она никак не оправдывается за то, что случилось со звероловом и его дочкой.

Я и не жду от Ноллы Верин оправданий. Мне они не нужны. Я понимаю, почему она приняла такое решение. Я знаю, что наша матушка гордится этим решением.

Я тоже должна гордиться. Но гордости я не испытываю. Меня продолжает преследовать воспоминание о девочке, накрытой телом отца. И воспоминание о мокром от слез лице ее сестры, которая пряталась в лесу.

Я никому о ней не сказала. Даже с Пэрришем я держу рот на замке. Он ведет себя так же, как обычно, и я начинаю сомневаться, не привиделось ли мне случившееся. Однако той ночью я видела, как стражник обменялся парой слов с Соррой, и на долю секунды его взгляд метнулся в мою сторону.

Понятия не имею, что бы это могло значить.

Нолла Верин тычет в меня вышивальной иглой, и я подсказываю на месте.

– Мне нужно, чтобы ты показала себя с наилучшей стороны, сестра.

Я продолжаю смотреть на окно кареты, закрытое шторкой.

– Я тебе вообще не нужна. Я могу подождать вместе с лошадьми.

Нолла Верин вздыхает и закатывает глаза.

– Матушке следовало бы оставить меня дома, – продолжаю я.

После того, что мне довелось увидеть, я предпочла бы, чтобы так и было. Несмотря на то, что мне было немного обидно из-за выбора матушки, у меня теперь возникло некоторое подобие свободы, которая заключалась в том, что мне больше не следовало переживать, что я стану королевой. По другую сторону гор воздух более прохладный, и я могла бы целый день напролет лежать в кровати с книгой или кататься верхом вдоль озера, не боясь столкнуться со смертью и разрухой.

Подобные мысли внезапно кажутся мне эгоистичными. Трусливыми. Девочка и ее отец в любом случае погибли бы. Разница лишь в том, что я об этом не знала бы.

– Полно тебе, Лия Мара.

В голосе моей сестры появляется новая нотка, которая привлекает мое внимание. Несмотря на все надменные комментарии, в ее взгляде таится неуверенность.

– Ты нервничаешь, – говорю я.

Нолла Верин едва заметно пожимает плечами и переводит взгляд на квадратный кусочек ткани, разложенный у нее на коленях. За время нашего пути на полотне сформировался круг из вышитых цветов и разноцветных драгоценных камней.

– Он остается нашим врагом, – сестра умолкает, после чего добавляет: – У него уже есть возлюбленная.

– Нолла Верин, – я внимательно смотрю на нее. Моя сестра обладает четкими чертами лица и невероятной красотой, но именно ее беспечная самоуверенность заставляет людей оборачиваться и смотреть ей вслед. – Неужели ты боишься быть *отвергнутой*.

– Лично я не боюсь, – она протыкает иглой ткань. – Я боюсь, что наше предложение будет отвергнуто. Матушке придется направить войска через горный перевал, чтобы захватить города и взять всю страну под контроль.

Я смотрю на нее, и мой рот приоткрывается от удивления. Впервые на моей памяти Нолла Верин выразила беспокойство по поводу необходимости военного вмешательства. В груди вспыхивает огонек надежды.

Сестра поднимает на меня взгляд.

– Ты так удивилась. Неужели ты правда думала, что мне не страшно потерпеть неудачу на глазах у матушки?

Я закрываю рот. Стоило догадаться раньше. Конечно же, Нолла Верин не переживает из-за того, что жизни многих людей окажутся под угрозой. Она лишь боится разочаровать нашу матушку.

Мне нужно избавиться от кислой мины на лице до того, как сестра ее заметит.

– Я абсолютно уверена в тебе, Нолла Верин.

За пределами кареты раздается громкий звон колоколов. Нолла Верин садится прямо и прячет свою вышивку в ящичек под сидением. Интересно, ее работа – это подарок для принца? Новые мысли не помогают мне избавиться от горького привкуса во рту.

– Нас заметили, – торопливо произносит сестра. – Матушка говорит, что любой звон колоколов что-то означает. Сейчас они звучат как-то весело, разве нет? Может быть, это хорошее предзнаменование.

Для моих ушей колокольный звон звучит вовсе не весело. Он больше похож на похоронный перезвон. Может быть, это значит, что лучники принца в скором времени подожгут нашу карету?

– Мне тоже кажется, что это хорошее предзнаменование, – говорю я, выдавливая из себя улыбку.

Карета дергается и начинает покачиваться, когда лошади ступают на другую поверхность, судя по всему, брусчатку. Против воли у меня внутри все сжимается от беспокойства. Час назад стража подняла вверх наши зеленые с черным знамена и штандарты и одела лошадей в попоны, которые до этого момента были спрятаны, пока мы ехали через Эмберфолл.

Мне очень хочется высунуться из окна, чтобы посмотреть на замок, но если я так сделаю, то у меня возникнут неприятности. Если сидящая напротив меня Нолла Верин может вести себя так важно и терпеливо, то это и мне под силу.

Когда карета останавливается, мы остаемся сидеть на местах и ждем. Один из стражников матери оглашает наше прибытие и запрашивает аудиенцию у принца. Один из стражников Эмберфолла отвечает, что нам нужно подождать, пока принц примет решение, пускать нас в замок или нет.

Матушку такой ответ вряд ли устроит.

Я ничуть не удивляюсь, когда слышу ее голос, который провозглашает, что мы ждать не намерены и что, если так называемый наследный принц Эмберфолла не примет нас сию же минуту, она с радостью вернется в Силь Шеллоу и направит на его народ силы возмездия.

– Карис Люран, – произносит мужской голос, – уверен, что, прежде чем объявлять войну, вы могли бы дать мне время на то, чтобы пересечь коридоры замка.

Должно быть, это принц Рэн. Никто другой не стал бы говорить таким властным тоном. У него приятный голос, в котором слышна твердость стали, но, в то же время, в нем есть мягкость, располагающая к разговору. Интересно, как выглядит принц?

Лицо Ноллы Верин принимает нейтральное выражение. На нем нет скуки, впрочем, как и заинтересованности. Сестра продолжает неподвижно сидеть на месте и ждать.

Почти молниеносно Сорра распахивает дверь кареты. Моя стражница двигается с отточенной плавностью, и в каждом ее движении отражается тренированность и единство нашей

стражи. Солнечный свет резко врывается в карету, заполняя ее собой и на секунду ослепляя нас с сестрой.

Как старшая дочь, я должна первой выйти из кареты. Долгое время я считала это знаком уважения ко мне, но в последние несколько дней я начала задаваться вопросом, не готовила ли я почву для главного события: встречи публички с моей сестрой.

Сегодня меня такие мысли не тревожат. Я могу первой увидеть возносящийся высоко в небо замок, сложенный из светлого кирпича, и развевающиеся на легком летнем ветерке красные с золотым знамена. Я первая замечаю широкие мраморные ступени, ведущие к дверям замка, и две дюжины стражников, окружающих наши кареты. Каждый стражник вооружен мечом и кинжалом, они блестят золотом и серебром в солнечном свете. На каждом нагруднике изображен герб со львом и розой, который располагается прямо над сердцем.

Я первая вижу и принца. Высокий светловолосый молодой человек обладает той же поразительной красотой, что и моя сестра. По взгляду принца невозможно ничего прочесть. На юноше синий камзол, застегнутый поперек груди на ремешки. На ногах Рэна высокие сапоги. На поясе висит меч, как и у стражников, что вызывает у меня удивление. Матушка никогда не носит при себе оружия, объясняя это тем, что это первый признак того, что мы не доверяем своим подданным.

Рядом с принцем стоит миловидная девушка с бледной кожей и темными вьющимися волосами. Она одета в красное платье, которое шуршит по брусчатке, пока принц и его спутница направляются к нам. Девушка идет, прихрамывая, и я задаюсь вопросом, держит ли она принца под руку для поддержки или же это демонстрация их отношений. В отличие от юноши, по ее лицу можно понять все. Ее глаза широко распахнуты и полны беспокойства, губы напряженно сжаты в тонкую линию, а челюсти напряжены.

Наше присутствие заставляет спутницу принца нервничать.

Мы с ней в этом похожи.

Голос матушки разносится по округе:

– Моя старшая дочь, Лия Мара.

Принц приветствует меня кивком, и я отвечаю ему тем же, после чего отступаю в сторону, чтобы освободить место для появления Ноллы Верин.

Все взгляды устремляются на мою сестру, но я видела это все уже тысячу раз, поэтому мое внимание сосредотачивается на принце. Мне хочется посмотреть, загорится ли в его глазах интерес.

Или дело в том, что принц умеет держать себя в руках, или его не волнует внешность моей сестры, но его взгляд остается бесстрастным. Он наблюдает за тем, как Нолла Верин выходит из кареты, с тем же вниманием, которое мог бы уделить пробегающей мимо кошке.

– Моя младшая дочь, Нолла Верин, – говорит матушка. – Наследница престола Силь Шеллоу.

Принц награждает мою сестру таким же приветственным кивком, что и меня. Стоящая рядом с ним принцесса переводит удивленный взгляд с Ноллы Верин на меня.

– Ваша младшая дочь – наследница престола? – спрашивает она.

Матушка поджимает губы с недовольством. Ей не нравится, когда задают лишние вопросы.

– В Силь Шеллоу наследник не определяется порядком появления на свет, – она смотрит на Рэна. – Если бы законы твоей страны позволяли то же самое, ты бы не находился сейчас на грани внутреннего конфликта, мальчишка.

– Никакого внутреннего конфликта не существует, – отвечает Рэн.

Матушка смеется.

– Как и всегда, ты надежно прячешь свои тайны, юный принц, но я вижу, насколько неубедительны лживые речи, которыми ты кормишь свой народ.

– Мои люди живут в мире. Если вы прибыли для того, чтобы сеять смуту, я бы попросил вас незамедлительно уехать.

– До меня дошли слухи, что города начали оспаривать твое право на престол, – матушка бросает беглый взгляд на принцессу. – И также, если верить слухам, то король Эмберфолла скончался в Колумбии, правда ли это?

– Так и есть, – отвечает принц Рэн. – Вы проделали такой долгий путь, чтобы выразить мне соболезнования?

– Нет. Как я поняла, это было дело рук наемных убийц, – продолжает матушка голосом, полным скептицизма.

– Наши люди сделали все возможное, чтобы защитить короля Роланда, – заявляет принцесса. В ее голосе нет той властности, что у Рэна. Она говорит уверенно, но не так, как он. Кто-то другой, возможно, не заметил бы разницы, но я росла в королевской семье. Восемнадцать лет при дворе научили меня чувствовать разницу между людьми, которые были рождены править, и людьми, которые едва ли могут притворяться знатью.

– *Ваши* люди, – матушка смотрит на принцессу, и тон ее голоса подтверждает тот факт, что и от ее внимания не ускользнула эта деталь. – Неужели, *принцесса* Харпер?

– Так и есть, – в голосе девушки появляются стальные нотки. Пальцы принца Рэна сжимаются на ее руке, которая держит его под локоть, будто в попытке удержать принцессу на месте.

– Что по поводу твоей коронации, мальчишка? – спрашивает матушка. – Вы уже спланировали празднование?

Принц мешкает с ответом.

И это уже само по себе ответ. Я перестаю дышать.

– Когда ты взойдешь на престол? – продолжает матушка. – Что ты скажешь людям, которые требуют истинного наследника?

– Кроме меня наследников нет, – резко отвечает принц Рэн. – Никто не заявлял своего права на престол. Никто не был найден. Я наследный принц, и я готов занять престол и быть лидером своему народу.

– Я слышала, что ты предлагаешь награду за человека, в чьих жилах течет чародейская кровь. Это как-то связано с задержкой коронации?

Рэн сжимает зубы.

– Магия разрушала мою страну годами, насколько мне известно. Я не позволю ей снова причинить вред моему народу.

– В таком случае, у нас с тобой одинаковые цели. Я считаю, что могу предоставить безопасность твоим подданным.

Лицо принца мрачнеет.

– Поясните.

Матушка протягивает руку, и Нолла Верин делает шаг вперед.

– Я приехала с намерением обеспечить мир нашим подданным. Я здесь для того, чтобы предложить тебе руку моей дочери.

Выражение лица принца Рэна не меняется, но стоящая рядом с ним принцесса Харпер выглядит так, словно проглотила живую рыбу.

– Вы намеревались уничтожить мою страну и потерпели неудачу, – говорит принц Рэн. – И сейчас я не намерен делать Силь Шеллоу союзником Эмберфолла.

– Ты остановил мою армию при помощи колдовства и обмана, – парирует матушка. – Теперь у тебя нет ужасающего монстра, готового выполнить любой твой приказ, а среди твоего народа посеяна смута. У тебя нет ничего, что может защитить твоих подданных, лишь мое предложение.

Рэн вскидывает подбородок.

– Я не стану вступать в альянс с Силь Шеллоу.

– Я предлагаю тебе свою дочь, *наследницу*, которая будет править бок о бок с тобой. Безусловно, даже ты понимаешь, насколько исключительным является подобного рода предложение. И ты даже забавы ради не согласен дать мне аудиенцию?

– Меня не интересует то, что вы можете предложить, – Рэн сильнее сжимает руку Харпер, и я не могу не задаться вопросом, в этот раз он сдерживает принцессу или она его. – Меня не интересует альянс с вашим королевством. Я могу лишь гарантировать вам безопасность обратной дороги до горного перевала, чтобы вы могли вернуться в Силь Шеллоу и править там, а я останусь здесь и продолжу править Эмберфоллом.

Нолла Верин выступает вперед. Ее черные волосы переливаются в лучах солнечного света. Черные и зеленые полосы на одеждах сестры вышиты серебром и блестят при каждом движении.

– Я слышала, что вы честный и справедливый правитель, – говорит она, – и при этом вы даже не даете вашим людям возможности рассмотреть союз с нашим народом?

Стоящий на мраморных ступенях принц бросает на Ноллу Верин взгляд сверху вниз.

– Я видел разрушения, в которых повинны твои люди, *девчонка*.

Последнее слово – всего лишь ответная колкость за то, что матушка так бесцеремонно называла принца «мальчишкой», но моя сестра реагирует так, словно ей дали пощечину. Каждое последующее произнесенное слово звучит натянуто.

– Я буду править Силь Шеллоу в будущем, и даже если вы не хотите думать об альянсе, то хотя бы поразмыслите над необходимостью проявлять уважение к моей позиции.

Мне хочется поймать сестру за руку и крепко сжать ее, как это делает Харпер, чтобы не дать принцу потерять контроль над эмоциями. Нолла Верин не понимает, что стоящий перед ней человек не очень хорошо реагирует на взбалмошные угрозы.

Ответ следует незамедлительно. Взгляд принца становится суровым.

– Прошу простить меня за то, что я не питаю уважения к тем, кто убивает моих подданных.

Я снова вспоминаю о зверолове и его дочери, и сглатываю образовавшийся в горле ком. Моя сестра вскидывает подбородок.

– Мы здесь для того, чтобы остановить бессмысленную гибель ваших людей.

– Мы оказались в тупиковой ситуации, потому что я вам не верю, – говорит принц Рэн.

– А что, если мы предоставим вам информацию о бесследно исчезнувшем наследнике? – спрашивает Нолла Верин.

Принц Рэн застывает на месте. Все во дворе наострили уши. Даже личная стража принца не в силах скрыть своего любопытства.

– Где ваш начальник Королевской гвардии? – интересуется моя матушка.

– Командор Дастан сопровождает в дороге Джейкоба, брата принцессы Харпер и наследника престола Колумбии, вместе с талантливым лекарем Ноа из Александрии, – Рэн прерывается, и его голос становится более натянутым. – Они навещают города Эмберфолла, чтобы выяснить, нужна ли помощь людям, пострадавшим от ваших солдат.

– Нет, – говорит матушка. – Я спрашиваю про командора Грея. Где человек, который стоял рядом с тобой во время моего последнего визита?

– Командор Грей мертв. Он погиб во время своего последнего боя с колдуньей.

Стоящая рядом с Рэном принцесса вздрагивает.

От внимания моей матушки это не ускользает.

– Когда мы виделись в последний раз, я рассказала тебе о первом браке твоего отца, который был заключен в Силь Шеллоу. Я рассказала тебе о том, что в результате этого брака был рожден полукровка. Помнишь ли ты это? – спрашивает матушка и, не дожидаясь ответа, продолжает. – Я поведала тебе о том, как твой отец платил мне десятину, чтобы сохранить все

в тайне. Если ты думаешь, что твой народ не догадается, что на самом деле ты ищешь не просто чародея, а наследника, то ты либо сам глупец, либо считаешь таковым любого и каждого из своих подданных.

Лицо принца бледнеет, но голос по-прежнему остается жестким.

– Мои люди знают, что я сделаю все возможное, чтобы защитить их.

Нолла Верин смотрит на принца.

– Если колдун жив, и если он наследник престола, то я уверена, что мы можем помочь друг другу и даже более того.

– Вы не можете мне ничего предложить. Стража, проводите наших гостей за ворота.

По моему телу прокатывается волна дрожи. Мы потерпели неудачу.

А это означает войну. Еще больше смерти. Еще больше разрушений.

– Пойдите, – говорит принцесса Харпер, и ее голос звенит от напряжения. – Подождите. – Она сглатывает. – Почему вы спрашивали про Грея?

Матушка останавливает взгляд на принцессе и улыбается.

– Ты ведь не думаешь, что он мертв, ведь так, принцесса?

Принц Рэн поворачивает к девушке голову и что-то тихо ей говорит, но Харпер зажимается, и по ее щеке скатывается слеза.

– Мы не знаем наверняка.

– Какая жалость, – отвечает матушка. – Пойдемте, дочки. Оставим принца наедине с его решением.

– Подождите, – снова просит Харпер, и красные юбки ее платья вспыхивают, словно языки пламени, пока она торопливо спускается вниз по ступеням. – Что вам известно о нем?

Наша стража выступает вперед, чтобы помешать принцессе приблизиться к матушке.

Стражники принца Рэна делают то же самое.

Харпер и матушка смотрят друг на друга через защитный барьер. Выражение лица матушки остается невозмутимым, в то время как принцесса раскраснелась от волнения. В ее взгляде читается мольба.

– Вам всем следует надеяться на то, что он мертв, – отвечает матушка. – Ради вашего принца. Ради его королевства.

У Харпер перехватывает дыхание.

– Почему?

– Если верить колдунье, Грей – единственный человек, которому известна личность пропавшего наследника.

Харпер бледнеет. Принц Рэн оказывается рядом с ней. Его лицо искажено яростью.

– Это уже не первый раз, когда вы пытаетесь пошатнуть мою власть при помощи уловок и обмана. Больше такой возможности у вас не будет. Уезжайте. Немедленно.

Матушка поворачивается к карете.

Нолла Верин забирается в нашу. Я следую ее примеру. Сердце бешено бьется в груди. Стражник захлопывает за нами дверь.

– Он оказался глупцом, – говорит мне Нолла Верин прежде, чем лошади трогаются с места. Ее голос звучит достаточно громко, и я уверена, что принц это услышал.

Я думаю о том, каких страданий уже натерпелся из-за нас Эмберфолл.

Я думаю о зверолове, которого мы встретили в лесу, и о его дочери, лежащей под ним.

Все должно было быть совсем не так. Нолла Верин дала мне понять, что я на ее месте договаривалась бы о союзе при помощи меда и орешков. Что ж, по крайней мере, я точно не стала бы добиваться своего при помощи черствости, высокомерия и пренебрежения.

«Принц вовсе не глупец», – хочу ответить я.

Но я ведь не наследница, так что отвечаю лишь молчанием.

Глава 6

Грей

В таверне Джоди яблоку негде упасть. Из-за жары у мужчин появляется жажда к элю и женщинам, и они пытаются под любым предлогом спрятаться от солнца. Головокружительный аромат крабов и печеных овощей смешивается со сладковатым привкусом алкоголя для всех тех, у кого есть лишняя монета в кармане. Мы с Тайко занимаем столик в конце зала, чтобы оказаться подальше от стоящего кругом шума.

Прошло много дней, и общий секрет, судя по всему, сблизил нас так сильно, что мы практически стали братьями. В ранние утренние часы, когда небо едва розовеет, а арена пустынна, мы упражняемся в бое на мечях. Всего за несколько дней навыки Тайко улучшились феноменально. И дело даже не в том, что я начал учить его настоящему искусству владения мечом. Дело было в возникшем между нами доверии и взаимопонимании. Между нами будто бы рухнула стена, о существовании которой я до этого даже не подозревал.

Джоди приносит кувшин с водой, чтобы заменить им тот, который мы уже успели опустошить. Вместе с ним она приносит корзинку с только что испеченным хлебом и толстый кусок сыра. Девушка ненароком задевает мое плечо своим бедром, а затем наклоняется настолько близко, что перышки, вплетенные в ее волосы, щекочут мое предплечье.

– Как бы мне хотелось спрятаться в этом укромном уголке вместе с вами.

От Джоди пахнет клубникой. Она, должно быть, нарезала ягоды к вину.

– Можешь попробовать, – я киваю в центр зала, заполненный людьми. – Только мне кажется, что тебя очень быстро найдут.

Джоди надувает губки.

– Ты ведь можешь защитить меня от них всех, да, Хок?

Я отламываю кусок хлеба от буханки.

– Советую попросить помощи у Тайко. Он храбрее меня.

Джоди отвешивает мне подзатыльник и уходит.

Я беру нож и отрезаю кусок сыра, чтобы положить его на хлеб, и тут замечаю, что Тайко смотрит на меня.

– Что?

Мальчик понижает голос.

– Мне кажется, ты нравишься Джоди.

Джоди могла бы быть еще более очевидной со своими намеками лишь в том случае, если бы залезла ко мне на колени и начала расшнуровывать мою рубаху.

– Я заметил.

– Она тебе не по нраву?

Я бросаю взгляд в другой конец таверны, где Джоди мечется между столиками. Она флиртует со всеми, но не задерживается, как это бывает со мной.

Мы находимся далеко от других посетителей, но я все равно понижаю голос до шепота.

– Чтобы стать стражником, ты обязан отречься от семьи.

– Отречься?

– Притвориться, что ее у тебя нет, – я мешкаю, затем продолжаю. – Семья – это обязательство. Если на стражника можно повлиять, угрожая жизни его близким, то он может быть использован против Короны.

Тайко хмурит брови.

– Так. что? Тебе никто не дорог?

Я вспоминаю о своей матушке, точнее, о женщине, которую я считал своей матерью. Она провожала меня со страхом в глазах. Я вспоминаю о своих девяти братьях и сестрах, убитых поочередно, чтобы заставить меня предать принца Рэна.

Ее попытки оказались тщетными. Меня обучили слишком хорошо, моя верность была непоколебимой. Она не смогла бы найти никого, кого можно было бы использовать против меня.

В моих мыслях невольно появляется Харпер, чье яростное бесстрашие проигрывало лишь ее нежности и доброте. Я вспоминаю о том дне, когда ей удалось убедить солдат Силь Шеллоу в том, что она является принцессой другой страны. После того, как они ушли, выплевывая угрозы и обещания мести, девушка не стала убегать и прятаться. Она попросила меня показать ей, как метать ножи.

Когда Лилит угрожала убить Харпер, я сдался. Я встал на колени и поклялся ей в верности.

Я не позволяю подобным мыслям одолеть меня.

– Я уже позабыл, как кто-то может быть мне дорог, Тайко.

Мальчишка долго и внимательно смотрит на меня.

– Не думаю, что это правда.

Я припоминаю то, как собирался сбросить его вниз с чердака, и не знаю, что ответить. Я отламываю кусок хлеба от буханки.

– При помощи тренировок нельзя избавиться от милосердия и человечности, – говорит Тайко.

– Еще как можно.

Он снова хмурится в задумчивости. Я отламываю еще один кусок хлеба и протягиваю его мальчику.

– Ешь. Мне не хочется возвращаться бегом.

Тайко послушно начинает жевать. Мы погружаемся в молчание, и в пространство между нами проникают громкий хохот и пьяные разговоры, которыми наполнена таверна. Рядом с дверью пожилой мужчина с внушительным брюшком опустошает, должно быть, уже третью кружку эля. Его зовут Райли, и он рассказывает историю о слепой женщине, которой продали осла вместо породистой лошади, но она отказывалась в это верить. Райли один из немногих кузнецов Риллиска, но у него с Уорвиком какие-то старые счеты, поэтому наших лошадей он не подковывает. Наверное, как-то раз Райли попросил оплатить его услуги по справедливой цене, которая Уорвику показалась завышенной.

Джоди снова проходит мимо нашего столика, задевая своей рукой мою руку. Забавы ради, я задумываюсь над тем, чтобы поймать ее пальцы и притянуть девушку к себе. Все очень просто. Я могу забыть, полностью скрывшись за личиной Хока и оставив Грея в прошлом.

Когда Джоди оборачивается, я встречаюсь с ней взглядом, и она улыбается.

Я улыбаюсь ей в ответ, и она заливается румянцем.

Всё так просто, но таковым не кажется. Я чувствую себя манипулятором.

Я отвожу взгляд и смотрю на кусок своего хлеба.

– Ты закончил? – спрашиваю я у Тайко. Мой голос звучит хрипло.

Мальчишка кивает и достает медяки из кошелька, висящего у него на поясе.

Входная дверь таверны распахивается, и внутрь медленно заходит группа мужчин. Вокруг слишком шумно и многолюдно, поэтому они не привлекают к себе особого внимания, но я замечаю, как свет сверкает, отражаясь от стали, и вижу вспышку чего-то красного.

Я застываю. Моя рука нащупывает нож.

Однако мужчины одеты не в форму Королевской гвардии. Это люди главного маршала. Шагающий впереди самый старший, его волосы и густая борода испещрены сединой. Один глаз у него закрыт повязкой. По пятам за мужчиной следуют еще трое.

– Где кузнец по имени Райли? – спрашивает он. Его голос достаточно громкий, чтобы разговоры в таверне стихли до ропота.

Все взгляды устремляются в угол, где сидит Райли.

Кузнец отодвигает стул назад и встает. Он честный человек, поэтому выглядит озадаченным и немного обеспокоенным.

– Я Райли.

– Тебя обвиняют в использовании магии в ремесле. Ты пойдешь с нами.

Райли делает шаг назад.

– Я не. Я никогда. Я не владею магией.

Дружинники уже начали окружать его. Другие мужчины, сидящие за столом, отошли подальше. Все разговоры стихли.

Райли продолжает пятиться. Люди отшатываются с его пути, будто он прокаженный. Один из дружинников обнажает меч.

– Я не владею магией! – кричит Райли. – Я всего лишь кузнец!

Лидер дает сигнал остальным, и мужчины огибают столы, чтобы отрезать кузнецу путь к отступлению.

– Хок, – шепчет Тайко. – Хок. нам нужно.

Я заставляю его замолчать взглядом, но Тайко продолжает умоляюще смотреть на меня. Не знаю, хочет ли он, чтобы я вмешался или же сдался, или же чего-то еще, но я не в силах ничего сделать. Я не могу привлекать к себе внимание.

Не сейчас.

Одноглазый мужчина хватается Райли за предплечье.

– Ты пойдешь с нами.

Райли отшатывается назад. Его лицо покраснелось то ли от стыда, то ли от ярости.

– Я ничего плохого не сделал! Вы не имеете права хватать мирных горожан...

– У нас приказ, – другой дружинник хватается кузнеца за вторую руку. Райли в отчаянии оглядывается, но другие посетители отходят в сторону, освобождая людям главного маршала дорогу.

– Никто не хочет за меня поручиться?

Джоди уверенно проходит мимо меня, шурша юбками. Она набирает в легкие воздуха, чтобы выразить свой протест.

Я хватаю ее за руку и прижимаю к себе. Мы стоим достаточно далеко, чтобы не отвлекать всеобщее внимание от Райли, но если она будет вырываться, то это не останется незамеченным.

– Джоди, – шепчу я ей в волосы. – Пусть они заберут его по-хорошему.

Она напрягается в моей хватке, но понимает, что нужно говорить тихо.

– Он хороший человек.

– В таком случае его допросят и отпустят. Он потеряет выручку за день, но обзаведется славной байкой, которую можно будет рассказать за выпивкой.

Сидящий по другую сторону стола Тайко широко распахивает глаза. Должно быть, мой голос звучит убедительно, потому что Джоди расслабляется.

Райли пытается вырваться из хватки дружинников. Он сильный, и ему удается высвободить одну руку.

Одноглазый мужчина ударяет его кулаком в живот. Охнув, Райли складывается пополам и едва не падает на колени. Его снова хватают и тащат к выходу.

– Вы не можете так поступить, – хрипит кузнец. – Я слышал про портного. Вы не можете обвинять невинных людей!

Дружинники не обращают внимания на Райли и безучастно волокут его вперед.

Когда они доходят до двери, один из мужчин отпускает руку кузнеца, чтобы взяться за дверную ручку.

Райли изворачивается и выхватывает у кого-то из дружинников оружие. Мне не известны его мотивы. Может быть, Райли думает, что сможет таким образом обрести свободу, или защитить себя, или просто выиграть время. Однако выяснить у меня возможности не будет. Один из дружинников протыкает грудь кузнеца мечом.

С губ Райли срывается сдавленный всхлип, и он падает на пол.

Вся таверна дружно ахает.

Джоди вырывается из моей хватки.

– Чудовище! – кричит она и бросается на дружинника, который заколол Райли. Она толкает мужчину в грудь. – Как ты мог?

Дружинник хватается за Джоди за руку и встряхивает ее. Одноглазый мужчина поднимает меч.

Не задумываясь, я заслоняю Джоди собой. Острие меча упирается мне в грудь, и я чувствую холод стали сквозь ткань рубашки.

– Довольно, – говорю я, и единственный глаз мужчины сужается, глядя на меня.

Джоди дрожит за моей спиной.

Я вспоминаю о последних словах, которые сказал ей. *«Его допросят и отпустят».*

Можно было догадаться, что такой вариант развития событий не предусмотрен. Я *знал*, что Райли не отпустят.

В таверне все переглядываются и нервно отходят подальше. По деревянному полу скребут отодвигающиеся из-за столов стулья. Со всех сторон слышится дрожащее дыхание.

Где-то рядом с выходом раздается неуверенный мужской голос:

– Мне всегда казалось, что он подковывал лошадей как-то необычайно хорошо.

– В его печи огонь всегда был жарче, чем у других, – соглашается другой мужчина.

– Вы видели клячу, которую он притащил из Хатчинс Форджа? – говорит какая-то женщина. – Райли сказал, что у него есть что-то особенное, что поможет кобыле ходить прямо. Так вот, получается, в чем дело.

В мою грудь по-прежнему упирается меч.

– Она напала на представителя закона, – говорит мне одноглазый мужчина.

– Она расстроена. Она не собиралась никому вредить, – я лезу в карман и достаю горсть медяков, которую протягиваю мужчине. – Купите своим людям выпивки за мой счет.

Он холодно смотрит на меня. Напряжение накаляется до предела. Посетители таверны застыли, готовясь стать свидетелями смерти еще одного человека.

Я звеню монетками, которые держу в руке.

– Уорвик расстроится, если я не вернусь к открытию турнира.

Дружинник хмыкает и убирает меч.

– Скажи ей, чтобы в следующий раз не лезла не в свое дело.

– Да, сэр, – я поворачиваюсь и вкладываю деньги Джоди в руку. Ее глаза наполнены слезами, а пальцы дрожат так сильно, что монеты позвякивают в них. – Налей им выпивки, – тихо говорю я.

– Он был хорошим человеком, – шепчет девушка в ответ. – Он был хорошим, ведь так, Хок?

Я смыкаю пальцы Джоди на монетах, чтобы они перестали звенеть.

– Тебе нужно сделать так, чтобы все в таверне настроилось на привычный лад, Джоди. Не нужно давать им повод устроить что-то еще.

Возможно, девушка слышит в моем голосе отчаянную нужду в ее действиях, поэтому не позволяет слезам политься из глаз и расправляет юбки. Джоди коротко кивает.

Я перевожу взгляд на Тайко, который все это время смотрел на происходящее округлившимися глазами.

– После всего этого Уорвику следует ждать столпотворения. Нам нужно возвращаться.

Клонящееся к закату солнце пронизывает город насквозь своими лучами, когда мы выходим из таверны. Тайко держит рот на замке и не отходит от меня, пока мы пробираемся через собирающуюся возле таверны толпу.

Слухи расползаются быстро.

Когда мы оказываемся в пустынных переулках, Тайко решает рискнуть и задать вопрос:

– Как думаешь, он и правда был колдуном?

Я многозначительно смотрю на него в ответ.

Тайко сглатывает.

– Они убили его, Хок.

И скорее всего, их за это еще и наградят.

– Я предупреждал, что ничем хорошим все это не закончится.

– Но... откуда им знать, что он виновен?

– Это неважно. Дело не в наличии или отсутствии вины. Это все делается для того, чтобы люди поверили в то, что колдунов можно легко поймать и убить. Короне нужно доказать, что ей ничего не угрожает.

Я чувствую горький привкус во рту. Из-за меня умер человек, и от этого я не могу бежать. Мне негде спрятаться.

Голос Тайко выдергивает меня из задумчивости.

– И у людей было так много подозрений именно поэтому?

– Проще поверить в то, что кто-то виновен, чем думать о том, как невинный человек может есть устриц, а уже через минуту истекать кровью на полу.

От шока Тайко больше ничего не может сказать. Мы идем быстро. Я провожу рукой по задней части шеи, чтобы вытереть пот. Мы уже довольно далеко от таверны, и слухи сюда еще не дошли. Девочка гонит овец по узкой дорожке, и мы с Тайко отступаем на чье-то крыльцо, чтобы дать им пройти.

Мальчишка смотрит на меня, но я не могу взглянуть ему в глаза.

– Ты бы так же поступил?

Я наблюдаю за идущими мимо нас стриженными овцами.

– Как поступил?

– Ты бы тоже его убил? – Тайко сглатывает. – Когда ты был стражником?

Я вспоминаю времена до проклятия, когда служил королю Бродеруку, а потом думаю о вечности, проведенной на службе у принца Рэна, когда мы оказались в ловушке Замка Железной розы. Мне бы хотелось полагать, что принц никогда бы не отдал приказ, который привел бы к таким ужасным последствиям.

Конечно же, я был бы не прав, если бы так думал. Рэн поступит так, как считает нужным, если это единственный способ защитить народ, он будет готов взять на себя риск возможной ошибки.

Я перевожу взгляд на Тайко.

– Я бы следовал приказам, Тайко. Что бы мне ни приказали, я бы это сделал.

Мальчишка смотрит на меня, задрав голову. По его взгляду невозможно прочитать, что он думает.

Последняя овца проходит мимо, и я ступаю на дорогу, не оборачиваясь, чтобы убедиться, что Тайко следует за мной.

Глава 7

Лия Мара

Мы разбиваем лагерь задолго до темноты.

Характер Ноллы Верин – эта та стихия, с которой нужно считаться. Она срывается на стражников, требуя развести огонь пожарче, и даже препирается с матерью, считая, что та выдала слишком много информации до того, как убедилась в том, что союз гарантирован. Несмотря на сказанные ранее слова, она ни разу не получила отказа, и поэтому я уверена, что слова принца задели ее за живое.

Сестра сидит рядом со мной, глядит на костер и протыкает иглой свое шитье.

– Ты видела, как он цеплялся за принцессу-калеку? Как будто ее люди предоставили хоть какое-то доказательство того, что их альянс имеет силу, – о на фыркает. – О ни допустили убийство короля! Ну и глупец же этот принц.

– Ты это уже говорила.

– Он еще обо всем пожалеет, Лия Мара.

– И это ты тоже говорила.

Сестра обращает на меня свой горящий гневом взгляд.

– А ты думаешь иначе?

– Я думаю, принц беспокоится о своем народе.

– А я беспокоюсь о своем.

Возможно, так и есть, но принц Рэн не вторгнулся в Силь Шеллоу. Он не убивал преднамеренно наших людей. Я отвожу взгляд от сестры и снова смотрю на пламя.

Молчание между нами становится напряженным, наполняясь неуверенностью.

– Как ты думаешь, я потерпела неудачу? – шепчет она.

Я с удивлением смотрю на нее.

– Нет. Я считаю, что вы с ним ищите разные пути развития для ваших государств.

– Мы могли бы объединиться!

Я сглатываю. Они с матушкой обратились к принцу Рэну не так, будто бы действительно хотели единения.

– Так матушка нападет? – тихо спрашиваю я. – Теперь, когда он отказался от предложения?

Нолла Верин расслабляется. Ей нравится обсуждать стратегию.

– Она подождет, пока народ окончательно разрознится из-за всей этой ерунды, касающейся пропавшего наследника. Семена раздора уже посеяны. Мы захватим его города и, наконец, получим доступ к открытому морю.

– А что по поводу командора Грея? – спрашиваю я.

– Мертв он или жив – это неважно, – сестра завязывает узелок на нитке и достает кинжал, чтобы ее отрезать. – Ты видела лицо принца, когда матушка упомянула имя этого человека.

Я видела лицо Рэна. Лицо Харпер тоже. На них были написаны паника, растерянность и страх.

Нолла Верин качает головой.

– Матушка поступила правильно, когда рассказала все, что мы знаем. Бывший стражник – или же дезертир, если он жив – знает о том, кто является настоящим наследником, и слухи об этом разлетятся быстро.

Она права. Колдун-наследник? Нарушивший присягу глава Королевской гвардии? Распространение таких сочных слухов будет невозможно пресечь, а среди людей Рэна и так уже царит смута.

Нолла Верин пожимает плечами.

– Нам известно самое важное: правлению принца в любом случае скоро наступит конец. Посмотри. Что думаешь?

Мне требуется секунда, чтобы понять, что сестра обращает мое внимание на свою вышивку. С тех пор как мы уехали из Силь Шеллоу, я едва обращала внимание на то, над чем она работала, но теперь я вижу, что в центре узора появились слова, витые буквы которых переплелись с орнаментом.

Две сестры. Одно сердце.

От этих слов я должна была почувствовать радость и счастье, но не чувствую. Я не могу избавиться от мыслей об убитом мужчине и его дочери. У той девочки тоже была сестра... Сестра, которой удалось сбежать, потому что я никому не дала знать о ее присутствии.

– Тебе не нравится, – говорит Нолла Верин.

– Нет, нравится, – я протягиваю руку, чтобы взять полотно. Мои пальцы очерчивают контур вышитых букв. – Твоему таланту нет равных.

– Ты выглядишь такой грустной. Я думала, что тебя это хоть как-то порадует.

– И я рада, – я тянусь, чтобы взять Ноллу Верин за руку. – Для меня большая честь быть твоей любимой сестрой и делить с тобой сердце.

Она улыбается.

Я невольно улыбаюсь в ответ. Все-таки я по-настоящему люблю свою сестру.

Она наклоняется ко мне и целует в щеку.

– Я подумала, что этот узор будет очаровательно смотреться на твоей наволочке.

Я прижимаю вышивку к груди.

– Я всегда буду беречь твой подарок.

Нолла Верин встает и потягивается.

– Ты еще долго будешь сидеть? Мне очень хочется спать.

– Ступай.

Сестра отправляется в наш шатер, и ее стражники занимают свои посты.

Мне бы хотелось, чтобы Сорра и Пэрриш присоединились ко мне у огня, потому что простые шутки Пэрриша мне бы сейчас не помешали, но матушка еще не отправилась спать, и моя стража вряд ли будет вести себя непринужденно в ее присутствии.

Уставший мозг ожидает того, что матушка присоединится ко мне, чтобы пожуричь меня за сегодняшнее поведение сестры и чтобы потыкать носом в мои ошибки. К моему счастью, этого не происходит.

Однако матушка все равно подходит ко мне, чтобы поцеловать в лоб. Это очень редкое проявление нежности с ее стороны.

– Ты думаешь, что я забываю о том, что ты моя старшая дочь, – говорит она.

– Я так вовсе не думаю.

– Матери все известно.

Я краснею. Скорее всего, нашему королевству все тоже известно.

– Я знаю, ты также думаешь, что я холодная и беспощадная, – говорит она.

Я ничего не отвечаю. Она не заблуждается на этот счет.

– Я не бессердечная, – продолжает матушка, – но за пределами Силь Шеллоу мир полон мужчин, которые недооценивают женщин. Мужчин, которые их ни во что не ставят. Я не могу править слабым государством. Я не могу позволить себе роскошь милосердия и сочувствия, как и твоя сестра.

Я продолжаю молчать. Я не понимаю, как может быть слабостью то, что ты оставляешь в живых безоружного человека, но, может быть, именно поэтому меня не сделали наследницей.

– Ты не хуже Ноллы Верин, – говорит матушка. – Помни об этом, Лия Мара. Именно поэтому ваши занятия с Кланной Сун так важны. Твоя сестра была назначена наследницей, но ей будет необходима твоя поддержка.

– Спасибо, матушка.

Я не знаю, что еще можно сказать.

Голос матушки звучит громко и четко, и, скорее всего, меня ее слова никак не касаются, а нужны они лишь затем, чтобы дать Нолле Верин знать о том, как сильно она разочаровала нашу матушку.

Она оставляет меня у костра и уходит в свой шатер.

Через некоторое время Сорра и Пэрриш садятся со мной у огня на бревно.

Пэрриш предлагает мне угоститься вяленным мясом, которое он достал из мешочка, и я морщусь.

Он смеется и закидывает кусок мяса себе в рот.

Сорра кривится от отвращения точно так же, как и я.

– Он ест все подряд, – говорит она.

– И с удовольствием, – Пэрриш отправляет в рот очередной кусочек мяса.

Я едва нахожу в себе силы, чтобы улыбнуться.

– Матушка недовольна тем, что ситуация с принцем не стала лучше.

Сорра кивает.

– Она не хочет развязывать войну. Казна дворца не бездонна. Королевские дома разочарованы тем, что королева не обеспечила их доступом к портовой торговле, как обещала.

– Я этого не знала, – я расправляю плечи.

Мне было известно, что в последние годы мы сильно полагались на десятину, которую платил нам Эмберфолл, но я понятия не имела, что наши резервы настолько истощились, что королевские дома начинают отказывать нам в поддержке.

Сорра улыбается.

– Возможно, вы бы услышали много всякого, если бы проводили время при дворе, а не сидели, все время уткнувшись носом в книгу.

Я морщусь подобно тому, как морщилась из-за вяленого мяса, и девушка тихо смеется.

– Война обходится недешево, – продолжает она. – Даже если альянс принца с Колумбией – это блеф, то для очередного вторжения потребуется собрать кругленькую сумму, а королевские дома не очень хотят делать взносы, когда их кошельки заметно истощились.

– Не говоря уже о том, сколько жизней было потеряно, – добавляет Пэрриш.

То, с какой интонацией он это говорит, заставляет меня повернуть к нему голову.

Он смотрит на Сорру, и его голос становится едва слышным.

– Мы не должны убивать людей ради доступа к торговым путям.

Я вспоминаю о девочке, которую Пэрриш якобы не заметил в лесу. Интересно, знает ли об этом Сорра, или же он предпочел оставить все в тайне. Я задумываюсь о том, чувствует ли Пэрриш себя недостойным стражником, ровно как я чувствую себя недостойной сестрой.

Сорра выдерживает взгляд Пэрриша.

– С течением времени наш народ будет страдать без торговых путей.

В общем-то, это и есть причина, по которой матушка изначально решила напасть на Эмберфолл.

Она бы не стала предлагать альянс, если бы не потерпела поражение. Если Сорра права, и принц Рэн не станет обсуждать союз с Силь Шеллоу, то у нас не останется иного выхода, кроме как развязать войну.

Пэрриш мрачно кивает.

– Мы либо уничтожим эту страну, либо будем ждать, пока наша собственная не падет.

– Похоже, что выбора больше нет, – говорю я. – Матушка уже все решила. Вы охраняете не ту сестру, которая может что-то изменить.

Мы все снова смотрим на языки пламени. Окружающий нас лагерь погружается в тишину, но у меня в голове слишком много мыслей, поэтому вряд ли в ближайшее время меня сморит сон.

Две сестры. Одно сердце.

У нас с Ноллой Верин сердца абсолютно разные. Я знаю это наверняка.

Если не принимать во внимание замечание матушки по поводу колдуньи и волшебного существа, которое вынудило наши войска бежать из Эмберфолла, принц Рэн был прав в одном: ему удалось одержать победу. Я прекрасно знаю, благодаря своим занятиям, что ничто так не объединяет, как общий враг. Сейчас его страна кажется разрозненной из-за слухов об истинном наследнике, но если у принца получится найти этого командора Грея, то потом он сможет найти и наследника, и тем самым утвердить свое положение. Ему небезразлична судьба его народа. Его пыл трудно было не заметить. Вполне вероятно, что принц Рэн снова может одержать победу.

Я разворачиваю вышивку Ноллы Верин и веду пальцами поверх аккуратных стежков.

Две сестры. Одно сердце.

Если бы я делила с кем-то сердце, то это был бы принц Рэн. По крайней мере, он казался мне милосердным. Рассудительным, а не бездушным.

Я гадаю, как бы он поступил, если бы Нолла Верин с пониманием и уважением, а не с надменностью и презрением отнеслась к нему. Что было бы, если бы она беспокоилась о его народе наравне с нашим?

Интересно, могу ли я это выяснить.

«Ты не хуже Ноллы Верин. Твоей сестре будет необходима твоя поддержка».

Принц не станет слушать мою сестру.

Возможно, он слушает меня.

– Я хочу поговорить с ним, – тихо произношу я.

Сорра смотрит на меня с тревогой, в то время как взгляд Пэрриша продолжает оставаться более спокойным.

– Ваша матушка не допустит этого.

– Знаю, – я умолкаю, затем продолжаю. – Нам нужно поспешить, пока другие не поняли, что мы делаем.

Брови Пэрриша удивленно приподнимаются.

– Вы хотите отправиться *сейчас*?

– Да, – мое сердце отбивает барабанную дробь. – Запрягайте лошадей. Ведите себя как можно тише.

Я ожидаю, что они откажутся. Сорра и Пэрриш были моей личной стражей долгие годы, но клятву верности они давали моей матушке. Сорра смотрит мне в глаза так долго, что на моем месте матушка приняла бы это за дерзость.

Я знаю, что это вовсе не дерзость.

– Пожалуйста, – мягко говорю я.

– Ради мира, – добавляет стоящий рядом со мной Пэрриш, и девушка теперь смотрит на него.

Взгляд Сорры смягчается.

Пэрриш цепляет пальцем край ее брони и притягивает Сорру к себе.

– Ради нашего будущего, – говорит он, после чего оставляет на ее губах поцелуй.

Мои щеки горят от смущения, но я невольно улыбаюсь.

– У вас будет еще время на подобные вещи, но сейчас нам нужно поспешить.

Пэрриш ухмыляется и отступает назад. Щеки Сорры порозовели, как у меня.

Они начинают идти к месту стоянки лошадей. Каждое их движение беззвучно.

Я следую за ними, чтобы помочь, и Пэрриш оборачивается на меня. Его ухмылка превратилась в мягкую улыбку.

– Вы были не правы, – говорит он.

– Не права?

– Я думаю, мы охраняем единственную сестру, которая может что-то изменить.

Глава 8

Грей

Слухи и беспокойство всегда собирают толпу, но сегодня на турнире людей больше, чем мне когда-либо доводилось видеть. С наступлением темноты ветерок стал прохладнее, а на небе зажглось множество звезд. Тем не менее, на трибунах собралось так много тел, что вокруг жарче, чем в полдень.

– Принц боится, – бормочет стоящий в очереди за элем мужчина. У Уорвика наверняка за сегодняшний вечер будет головокружительная выручка, учитывая, что очередь тянется до самых конюшен. – Колдунов в Эмберфолле не было уже много десятилетий.

Я надеваю на лошадь седло для поединка верхом, но когда я работаю, то становлюсь невидимкой. Люди говорят при мне свободно, ни о чем не беспокоясь. Когда я был стражником, стоящим у стены, со мной было то же самое.

– Ну, что-то же контролировало чудовище, которое держало в ужасе замок, – произносит другой мужчина. – В се говорят, что это была Карис Люран, но я не понимаю, почему ни у кого не возникает вопросов к этой новой принцессе. Может быть, это она его прислала. Не верю я этому союзу с тем королевством, из которого она родом. Они допустили смерть нашего короля.

Я затягиваю подпругу и глажу лошадь по шее.

– Риллиском долгие годы управлял главный маршал, – недовольно хмурится женщина. – Королевская семья возвращается, и мы вдруг должны падать на колени? Вот еще!

– Следи за языком, – советует ей мужчина, который говорил первым. – Я слышал, что сегодня здесь будет присутствовать кто-то из королевского рода.

Мои пальцы замирают на пряжке уздечки. Конь толкается мордой мне в руку, и я тихо говорю с ним, чтобы успокоить.

Второй мужчина лениво хмыкает.

– Кто-то из королевского рода? Наверняка какой-то барон, о котором никто никогда не слышал.

Из моей груди вырывается облегченный выдох. Несколько месяцев назад подобные слухи заставили бы меня побеспокоиться, но с тех пор, как южные границы были открыты, очень мало знатных особ стало проезжать через Риллиск, поскольку многие государства меньших размеров заинтересованы в налаживании торговых отношений.

– Хок.

Низкий голос заставляет меня подпрыгнуть на месте, но это всего лишь Йорн – еще один боец Уорвика. Я предпочитаю иметь дело с ним, а не с Кантором, но сейчас Йорн бледен и покрыт испариной. Одной рукой он держится за стену.

Я хмурюсь.

– Тебе нездоровится?

– Меня пнула лошадь. Дороги переполнены. Две повозки столкнулись. Я попытался помочь, – он морщится от боли и прижимает руку к груди. – Уорвик сказал, что у тебя может найтись припарка¹, которую ты обычно используешь на лошадях.

У меня есть припарка, но Йорн едва держится на ногах, так что она вряд ли поможет ему прийти в норму к началу поединка.

Уорвику об этом говорить бесполезно. Я зову Тайко, чтобы он пришел и закончил готовить лошадей, после чего я снова смотрю на Йорна.

– Пошли в оружейную. Посмотрим, что я могу сделать.

¹ Припарка – лекарственное средство, прикладываемое к больному месту в горячем виде.

Вдали от толпы людей прохладнее. Скрейвер неподвижно лежит в своей клетке, если не считать того, что его темные, словно ночь, глаза распахиваются, когда мы заходим в оружейную. Йорн падает на стул. Когда он снимает рубашку, я вижу, как сильно его грудь потемнела от синяков. Йорн тяжело дышит от усилий, которые ему пришлось приложить, чтобы раздеться.

– Скажи правду, – задыхаясь, просит он. – Выглядит так же плохо, как мне кажется?

– Похоже, у тебя сломаны ребра.

Йорн ругается себе под нос.

– Уорвик меня живьем съест.

– Ты не можешь сражаться в таком состоянии.

– Ты видел трибуны? Еще не стемнело, но на них едва ли найдется свободное место. Если я не выйду на бой, Уорвик собственноручно проткнет меня мечом.

Слова Йорна заставляют меня вспомнить о кузнеце Райли. Когда я был оружием Короны, меня редко мучили угрызения совести за вещи, которые мне приказывали делать.

Сегодня же чувство вины похоже на занозу, от которой я не могу избавиться.

Йорн ерзает на стуле и морщится.

– Можешь сделать перевязку? Может быть, еще и броня поможет все зафиксировать.

– Я могу попытаться.

Я прижимаю к грудной клетке Йорна плотную марлю, пока он проклиняет меня, после чего делаю тугую перевязку. Бинты пропитываются потом еще до того, как я заканчиваю, но, когда я застегиваю поверх них броню, Йорну легче стоять на ногах, чем прежде.

– Премного благодарен, Хок, – он неловко хлопает меня по плечу, после чего его лицо снова искажается от боли.

– Тебя даже ребенок сейчас может одолеть.

– Мне нужны сегодняшние деньги, – он делает поверхностный вдох и вытаскивает с полки меч. – Возьми оружие. Попробую себя в действии.

Я никогда не бился на мечах ни с Йорном, ни с Кантором, потому что трудно скрыть свои навыки от людей, которые обучены тому же. Однако Йорн ранен, мы одни, и он хороший человек, так что я тоже беру с полки меч.

У Йорна получаются финты, выпады и он способен парировать удары, но его движения неуклюжи, да я при этом не оказываю ему должного сопротивления.

И тем не менее, Йорн выдавливает из себя грустную улыбку.

– Может быть, я и не выиграю, но я могу сражаться.

Я замахваюсь клинком со всей силы, и Йорн едва успевает заблокировать удар. Пока он пытается отдышаться, я поворачиваю свое оружие, поддеваю кончиком лезвия рукоять его меча и обезоруживаю его. Острие моего меча упирается Йорну в шею еще до того, как он успел вдохнуть.

– Тебя обезоруживают в считанные секунды, – говорю я. – Боя как такового не будет.

Он удивленно моргает, глядя на меня, и, прижав ладонь к боку, замечает:

– Ты тренировался.

Я опускаю свой меч.

– То тут, то там.

Он морщится и опускается обратно на стул, после чего вздыхает. Барабанная дробь эхом разносится по арене, сопровождаемая громкими криками с трибун. Уорвик скоро начнет раскачивать публику, представляя первые поединки.

Мне нужно вернуться на арену. В собравшейся толпе Тайко будет носиться как сумасшедший, чтобы лошади и всадники могли спокойно выехать на бой.

Я же застрял здесь, наблюдая за Йорном, который раз за разом утирает запястьями пот со лба. Мужчина снова тяжело вздыхает, и его вздох полон боли. Если бы на его месте был Кантор, я бы с радостью позволил ему выйти на арену и испытать судьбу.

– Зачем тебе сегодняшние деньги? – спрашиваю я.

– К концу года у нас родится еще один ребенок, – Йорн пытается найти удобное положение и морщится от боли, но со сломанными ребрами это невозможно. – А это еще один рот, который нужно будет кормить. Как будто мне легко кормить уже имеющиеся.

Момент совсем не подходит для поздравлений.

– Я не знал.

Йорн делает вдох, который обрывается в конце, затем кривится и встает на ноги.

– У каждого из нас свои тяготы, – он тянется за висящим на стене поясом для меча.

Со стадиона слышится, как ржет лошадь, как копыта стучат по земле и как толпа ликует.

Я закусываю внутреннюю сторону щеки, думая о Райли.

Я ничем не обязан Йорну. Уорвику тоже.

В другом конце оружейной гремит клетка из-за того, что скрейвер шевелится, разминая затекшее тело. Его угольно-черные глаза смотрят на меня, и существо начинает шипеть. Звук полон укора, но, скорее всего, мне так только кажется.

«У каждого из нас свои тяготы».

Я ничего не предпринял сегодня днем. Сейчас же я могу что-то сделать.

– Снимай броню, – говорю я ему.

Йорн сипло смеется, и его смех заканчивается хрипом.

– Если я ее сниму, то снова не смогу надеть.

– Мне нужно помочь Тайко, – продолжаю я. – Если у тебя не получится снять доспехи, я помогу, когда вернусь через полчаса.

– Ты вообще о чем толкуешь?

– Ты не можешь сражаться, Йорн.

Он закрывает глаза.

– Хок, я обязан...

– Ты меня неправильно понимаешь, – говорю я. – *Ты* не можешь сражаться. *Я* могу. Снимай броню. Я скоро вернусь.

Глава 9

Лия Мара

Я не ожидала, что нас встретят с фанфарами.

Я также не ожидала, что нас окружают в лесу и возьмут в плен.

Стража не стояла так далеко от замка, когда мы были здесь ранее, но, возможно, после наступления темноты площадь патрулируемых территорий увеличивается. Или же, вероятнее, Рэн не доверяет моей матушке настолько, что ждал нападения.

– Это возмутительно, – говорю я стражникам принца Рэна, когда они связывают мне руки. – Я же сказала вам, что мы пришли для обсуждения мира с вашим народом.

Лес скрыт в темноте, которая мешает мне рассмотреть выражения лиц большинства людей, но я вижу, что они так же связывают Сорру и Пэрриша. Моя стража хранит молчание.

Стоящий за моей спиной стражник потуже затягивает веревку, и я делаю резкий вдох.

– Нас всего трое. Я не вооружена. Право, вы же не можете думать, что мы собирались напасть на замок вот так.

– Будьте осторожны, Лия Мара, – тихо говорит Сорра на сишшальском.

При звуке ее голоса один из стражников обнажает лезвие, но другой мужчина его одергивает:

– Не стоит. Оставим их невредимыми. Пусть принц решает, что с ними делать.

Говорящий мужчина выступает из темноты и останавливается передо мной. Многие другие стражники вооружены луками, но у этого человека есть лишь меч, висящий на поясе. Он несколько старше остальных. У него темные волосы, а еще у него нет одной руки.

– Я видел, какой «мир» ваши люди хотят принести в Эмберфолл, – говорит мужчина.

Его недобрый взгляд горит желанием мести.

Я смотрю на его отсутствующую руку и гадаю, были ли солдаты Силь Шеллоу повинны в этом ранении.

– Наши войска отступили, – отвечаю я. – Я не могу исправить то, что с вами случилось, но я могу попытаться построить новый путь в светлое будущее.

Хмыкнув, мужчина отворачивается. Я получаю толчок рукой между лопаток и начинаю шагать вперед.

Нас ведут в замок. В дневном свете бежевые кирпичи делали его теплым и гостеприимным, но сейчас, во тьме ночи, замок кажется неприступным. У меня появляется дурное предчувствие. Главные двери со скрипом распахиваются, впуская нас в огромный главный холл с бархатными коврами на полу и гобеленами всевозможных цветов на стенах, отделанных темным деревом. Потолок простирается высоко вверх над нашими головами, и с него свисает незажженный канделябр. Должно быть, днем замок являет собой образец роскоши и богатства и может посоперничать с моим дворцом дома, но сейчас темные углы и большое пространство, создающее эхо, страшат меня.

– Ждите здесь, – говорит однорукий мужчина и направляется через холл к широкой лестнице у противоположной стены.

Нас уже долгое время нет в лагере. Я гадаю, заметили ли стражники наше отсутствие. После того, что произошло во дворе замка сегодня днем, я не уверена в том, что матушка решится вернуться за нами.

Чем дольше мы стоим в ожидании, тем больше я размышляю над своими поступками.

Я вспоминаю о дочери зверолова, лежащей под телом своего отца.

Я задумываюсь об одноруком мужчине, который привел нас в замок.

Я думаю о злости в его голосе и о страхе в глазах прячущейся в лесу девочки.

За переговорами стоят эти люди. Люди, чьи жизни могут изменить альянс, война или даже взмах пера по пергаменту. Мою сестру назначили наследницей престола, но сегодня днем она потерпела неудачу.

У меня есть один шанс все исправить.

Когда принц появляется на верхней ступени лестницы, я ожидаю, что его лицо будет выражать удивление, злость или что-то еще, но в нем читается лишь сдержанность и настороженность, как и прежде. Принц одет в более простую одежду, что заставляет меня задуматься, не разбудили ли мы его. Принцессы с ним нет.

Принц не спешит вниз по лестнице. Вместо этого он спускается медленно, внимательно глядя на меня.

Я изо всех сил стараюсь стоять прямо и выглядеть уверенно, что намного сложнее, чем я думала, особенно если учесть, что мои руки связаны за спиной.

Принц останавливается в полутора метрах от меня, и я не вздрагиваю под его пытливым взглядом.

В конце концов он говорит:

– Когда Джемисон сообщил, что вы желаете обсудить мир, я ожидал увидеть другую сестру.

И это естественно.

– Может быть, меня и не объявили наследницей, но я по-прежнему остаюсь дочерью королевы.

Он задумывается на секунду.

– Если вы действительно хотите мира, то почему не сказали об этом во время своего визита? К чему эта попытка тайком проникнуть на территорию Замка Железной розы после захода солнца? – принц бросает взгляд на мою стражу. – Да еще и с минимальной охраной.

Я чувствую, как стоящие рядом со мной Сорра и Пэрриш злятся.

– А мне разве нужна охрана? – спрашиваю я принца. – Вы ничего не предприняли против нас сегодня, хотя могли бы.

– Ваша матушка не глупа, – отвечает он. – Если бы я навредил хоть кому-то из вас, то, несомненно, месть была бы неизбежной и быстрой.

Это правда. Матушка не поехала бы так далеко, не предусмотрев все возможные последствия.

– Я не желаю говорить о жестокости и боли.

– Ах да. Вы хотите поговорить о мире, – произносит принц насмешливым тоном, и его глаза презрительно прищуриваются. – Прошу прощения за свою забывчивость.

– Вы мне не верите.

– Я считаю, вы обладаете невероятной храбростью или же невероятной глупостью, раз решились попытаться изменить мое мнение о Силь Шеллоу подобным образом.

Я смотрю ему прямо в глаза.

– Я не глупа, принц Рэн.

– Вы так и не ответили на мой вопрос. Почему вы не говорили о мире ранее?

Потому что я не хотела перечить матушке или сестре.

Потому что не знала, как плохо все закончится.

Потому что не была уверена, что принц меня послушает.

И я до сих пор не уверена в этом.

– Я здесь, потому что не желаю, чтобы наши люди бессмысленно проливали свою кровь.

– Я желаю того же.

Слова принца Рэна звучат очень серьезно, и я верю в их искренность.

Может быть, Эмберфолл и разваливается на части, но принцу действительно небезразлична судьба его народа, как мне небезразлична судьба моего.

– Честно говоря, – добавляет принц Рэн, – я был удивлен, когда услышал, что Карис Люран желает альянса, когда она была так уверена, что может захватить мои земли на собственных условиях.

Я мешкаю с ответом, вспоминая, что говорила мне Нолла Верин и что сказала мне Сорра, когда мы сидели у костра. Принц Рэн ни за что не поверит, если я скажу, что матушка жаждет сохранить жизни людей.

Взгляд принца изучает мое лицо.

– Если вы хотите союза, Лия Мара, то, возможно, вам следует начать быть со мной честной.

– Хорошо, – говорю я. – Моей матушке нужен доступ к вашим морским торговым путям, и ей бы хотелось установить торговые отношения между нашими нациями.

Он улыбается, и я понимаю, что он видит меня насквозь.

– Королеве Силь Шеллоу недостает серебра. Как интересно.

– Возможно, серебра у нас и не хватает, но у нас нет недостатка в оружии и солдатах.

– Мне это известно, – отвечает он, и, похоже, мои слова не были убедительными. – Я предложил вашей матушке обсудить вопросы торговли много месяцев назад, и она отказалась.

– Я не могу изменить прошлое. Я могу лишь предложить себя в качестве символа доброй воли.

– Предложить себя? – улыбка принца становится шире. – Если вы знаете о том, что я ищу законного наследника, то вам наверняка известно, что я люблю принцессу Харпер. Если вы предлагаете альянс посредством женитьбы на вас, то, боюсь, вы будете сильно разочарованы.

– В браке необязательно любить друг друга, – говорю я, вскидывая подбородок. – Я слышала, как подобные вещи делаются в ваших краях.

– Неужели? Просветите меня.

Все это намного хуже поддразниваний Ноллы Верин. Я чувствую, как мое лицо заливают краска, и принц смеется.

Мне хочется скорчить ему гримасу, но он выглядит таким сдержанным, а я уже и так сдала позиции.

– Я здесь не для забавы, принц Рэн. Я пришла к вам для того, чтобы обсудить мир, чтобы понять, получится ли у нас найти способ избежать войны, в которой никто из нас не желает участвовать. Если вы хотите насмеяться надо мной, то быть посему. Развяжите мне руки и позвольте уйти. Моя матушка и сестра не видят вашей любви к подданным, но я вижу. Я надеялась, что, возможно, вы сможете рассмотреть то же самое во мне.

Мои слова стирают улыбку с его лица. Принц смотрит на меня очень долго, и я выдерживаю его взгляд.

В конце концов он говорит:

– Я действительно люблю свой народ, как вы и сказали, – принц Рэн бросает взгляд на одного из стражников. – Развяжи ее.

Появляется нож, и мои руки освобождаются от пут. Внезапная надежда вспыхивает у меня в груди.

Слугу отправляют за бумагой и перьями.

– Напишите письмо вашей матушке, – говорит принц. – Сообщите ей, что мы обсудим альянс между нашими народами, а после вы направите вести в Силь Шеллоу, когда мы придем к соглашению. Выберите одного из ваших стражников, чтобы доставить послание в целостности и сохранности и чтобы дать вашей матери понять, что ваши намерения – это правда. Я также направлю одного человека из моей стражи, чтобы он привез мне ответ Карис Люран. Если она будет согласна на переговоры, то я тоже.

Я облизываю пересохшие губы и беру в руки перо. Я едва успеваю записывать мысли, которые мне хочется донести.

Матушка, прошу простить меня за опрометчивые действия, но я увидела путь к миру и хотела сделать все возможное, чтобы защитить народ Силь Шеллоу, равно как и народ Эмберфолла. Принц согласился вести со мной переговоры по поводу торговли и обеспечения безопасного проезда по его территориям. Я знаю, что Нолла Верин унаследовала ваш талант к управлению государством, но я была награждена вашим умом и дальновидностью. Пожалуйста, дайте мне шанс объединить наши нации на благо всем.

Лия Мара

Я подписываюсь своим именем с росчерком, после чего рисую свою печать. Я оглядываюсь на Пэрриша и Сорру.

– Развяжите их, – говорю я принцу Рэну и добавляю: – Пожалуйста.

Он кивает одному из своих людей, и моих стражников освобождают от веревок.

Пэрриш выглядит неуверенно. Его глаза кажутся темными и полными недоверия в сумраке комнаты.

Сорра кажется более собранной. Она хладнокровно оценивает окружающих нас стражников.

Я складываю письмо и протягиваю его Пэрришу.

– Прошу, – говорю я ему. – Пожалуйста, скажи моей матушке, как сильно я желаю, чтобы все получилось.

Пэрриш встречается со мной взглядом и кивает, но затем произносит на сишшальском:

– У меня дурное предчувствие, Лия Мара.

– Разве у нас есть выбор?

– Выбор есть всегда.

Я думаю о девочке, прятавшейся в лесу.

– Если мы хотим, чтобы он нам доверял, мы должны первыми довериться ему.

Пэрриш смотрит на принца, затем заглядывает мне в глаза. Он кивает и берет сложенное письмо.

Принц Рэн смотрит на одного из своих стражников.

– Поезжай с ним. Возвращайся с ответом Карис Люран.

– Да, милорд, – кивает мужчина.

Пэрриш и Сорра обмениваются взглядами, а потом мой стражник уходит вместе с одним из стражников Рэна.

Я делаю вдох. У меня получилось сделать то, что не получилось у моей сестры. Мы попытаемся заключить мирное соглашение. Матушка получит доступ к морским путям, который так ей нужен. Жизни людей будут спасены.

«Ради будущего», – сказал Пэрриш.

Принц Рэн делает шаг в мою сторону.

– Неужели вы и правда думаете, что ваша мать согласится на альянс, о котором вы договорились?

– Да, – говорю я. – Я так думаю.

Он хмурится.

– Я верю вам.

В словах принца нет ничего необычного, но выражение его лица кажется мне странным.

Я тоже хмурюсь.

– Тогда почему вы выглядите таким недовольным?

– Я считаю, что вы доверяете своей матери, – его взгляд впервые выражает не холодность, а недоумение. – К сожалению, я – нет.

Позади меня Сорра торопливо говорит:

– Это была ловушка, Лия Мара.

Принц Рэн бросает взгляд на стражников.

– Схватите их обеих. Заприте ее стражницу...

Сорра врезается в меня всем телом, и я не сразу понимаю, что она таким образом выталкивает меня из зоны досягаемости мужчины, который тянет ко мне руки. Я падаю на пол.

– Бегите! – кричит мне Сорра. Она изворачивается, чтобы выхватить кинжал из ножен на поясе стражника. Без промедления девушка втыкает лезвие ему в живот, и мужчина падает. Еще до того, как он оказывается на полу, Сорре удается ударить кинжалом еще одного стражника.

Я торопливо ползу к двери. Сорра втыкает кинжал в третьего, и быстрым движением завладевает мечом. Кровь на долю секунды повисает в воздухе алой дугой. Я хочу кричать, но не могу даже вдохнуть. Все происходит слишком быстро. Стражники внезапно оказываются повсюду. Один из них выхватывает меч, замахивается и вгоняет лезвие прямо в Сорру.

Ее тело падает. Кровь разливается повсюду.

Я долго и истошно кричу, надеясь, что Пэрриш где-то рядом и услышит меня.

«Нет. Я не хочу, чтобы он все видел».

Мужчина хватается за руку и рывком ставит на ноги. Все, что я вижу – это кровь. Я не могу дышать.

Я хотела мира, и вот теперь тело Сорры истекает кровью на полу.

– Вам не навредят, – говорит принц, и я едва понимаю его слова. – Тем не менее, ваше присутствие здесь будет гарантией того, что ваша матушка оставит Эмберфолл в покое.

Глава 10

Грей

Узкий проход, ведущий к арене, заглушает звуки толпы.

Я не надевал настоящую броню несколько месяцев, но мои конечности помнят ее вес. Йорн шире меня, но его нагрудник мне как раз, а нарукавники довольно плотно прилегают к предплечьям.

– Уорвику нравится науськивать бойцов друг против друга, говорит Йорн. – Он говорит, что кровопролитие приветствуется. Иногда толпе это даже необходимо.

Я кошусь на его руки, покрытые шрамами, но ничего не говорю. В проходе мы стоим одни, и никто не знает, что я буду его подменять. Уорвик обо всем догадается, как только я выйду на арену, но к тому времени будет уже поздно задавать мне какие-то вопросы.

Надеюсь, я устрою хорошее представление, и после мне вообще не придется ничего объяснять.

– Хотя ему не понравится, если именно ты прольешь чью-то кровь, – продолжает Йорн. – Никому не нравится, когда из него делают дурака.

Пусть твои противники думают некоторое время, что они могут тебя одолеть.

Я все это знаю, но не перебиваю Йорна. Мое сердце колотится в груди, разгоняя кровь по жилам.

– Четыре поединка, – говорит Йорн. – Сможешь остаться в живых после всех?

– Спроси меня потом.

Мужчина начинает смеяться, но его дыхание прерывается, и он прижимает руку к животу.

– Большинство участников не так уж хорошо обучены, – замечает он. – Они все просто пришли сюда, чтобы развлечься и вернуться домой с поводом для хвастовства. Тем не менее, иногда бывают и сюрпризы.

Я киваю. Над нашими головами барабаны начинают отбивать знакомый ритм. Следующие за ним радостные крики едва ли не оглушают меня даже здесь.

Мне не нужно быть выдающимся бойцом. Я просто должен устроить хорошее зрелище и остаться в живых.

Я делаю шаг по направлению к концу прохода, но Йорн останавливает меня, схватив меня за наплечник.

– Хок, – он сглатывает ком в горле. – Я у тебя в долгу.

Как же мне хочется, чтобы вместо этого человека копытом в грудь получил Кантор.

– Ты мне ничего не должен.

– Однажды у меня будет шанс отплатить тебе.

Я улыбаюсь.

– В таком случае, давай надеяться, что я выживу после сегодняшнего вечера.

Снова раздается барабанная дробь. Голос Уорвика разносится над трибунами:

– Из глубин Валкинской Долины пришел этот человек, которого практически выковали из стали. Редко терпящий поражение мой славный чемпион Йорн из Эверлиа!

Я выхожу на арену, и гул толпы становится настолько громким, что я опасаясь, что крыша от него может рухнуть. После тишины и полумрака прохода свет и звуки кажутся сокрушительными. Я обнажаю меч, подражая тому, как это делал Йорн сотню раз на моих глазах, после чего поднимаю оружие в воздух.

Уорвик стоит где-то высоко на трибунах, и я стою к нему спиной, поэтому я понятия не имею, увидел ли он меня. Я затаиваю дыхание и жду его следующих слов.

– Нас ждет особенный поединок сегодня вечером, – нараспев продолжает Уорвик, и его голос разносится над толпой. – Весьма особенный.

Он не заметил подмены. Отлично.

– Как и обычно, ставки не принимаются после того, как второй боец выйдет на арену, – объявляет он. – Я считаю, нас ждет славный бой. Мужчины с такими навыками нечасто участвуют в турнирах Уорвика. Делайте ваши ставки сейчас. Мне кажется, сегодня деньги будут переходить из рук в руки. Кто чувствует поцелуй фортуны? Ты? Или же *ты?*

Уорвик хорош в своем деле, поэтому он знает, что в последнюю минуту всегда найдутся желающие сделать ставки на поединок.

– Итак, – оглашает Уорвик, – наш второй боец готов выйти на арену. Чемпион Йорн, займи свою... – он резко обрывает себя, но, прочистив горло, продолжает говорить. – Эм, чемпион Йорн, займи свою позицию, будь добр.

Черт побери. Он все понял.

Что ж, теперь мы ничего не можем поделать. Я прячу меч в ножны и иду в центр арены.

– Второй оппонент приветствует нас из далекой Лунной гавани.

Я замечаю тень человека, бегущего по проходу с другой стороны арены. Поле моего зрения сужается, и я вижу только выход. Толпа и арена – это все неважно. Меч на поясе и предстоящий поединок – это то, что реально для меня.

Моя рука находит рукоять меча. Я не могу обнажить клинок до того, как это сделает мой противник. Если он родом из Лунной гавани, то, скорее всего, это рыбак или портовый работник, который, напившись эля, согласился бросить вызов чемпиону по науськиванию друзей.

Сначала становятся видны волосы мужчины: они светлые, как золотистый песок. Затем я вижу его плечи и кожаную броню, блестящую и явно дорогую. Получается, он пришел в своей экипировке. Каждая серебряная пряжка блестит, отражая свет. Золотые и красные полосы украшают его плечо, соединяясь вместе под гербом, тисненным золотом. На гербе изображен лев, оплетенный розой.

Я застываю на месте. Мне знаком этот герб. Я знаю эти полосы.

– Прямо из Замка Железной розы, – оглашает Уорвик, – мы имеем честь принимать у себя начальника Королевской гвардии – Дастана из Лунной гавани!

Он подмигивает мне с трибун, словно мы с ним тут шутки шутим.

– Не потеряй головы, Йорн.

Толпа одобрительно кричит.

Я делаю несколько шагов назад, не в силах противиться импульсу. Я знаю, что Уорвик всего лишь дразнит зрителей. Он понятия не имеет, что все это значит для меня.

Я знаю Дастана. Я сам его выбрал. Он был одним из первых, кто присягнул в верности Рэну, когда я был командором. Означает ли это, что принц тоже здесь и наблюдает за матчем? Мне хочется найти его в толпе, но лиц вокруг слишком много. Слишком шумно. Я не могу оторвать взгляд от идущего мне навстречу оппонента.

Мои инстинкты требуют от меня действий, но я не знаю, что делать.

Дастан пока еще не обнажил меч. Моя рука, лежащая на рукоятке клинка, стала скользкой от пота.

Он замедляет шаг, когда подходит ближе, и его глаза сужаются. Когда Дастан останавливается напротив меня, он сводит брови и убирает руку с рукояти меча.

– Ты выглядишь встревоженным, – говорит он спокойным тоном. – Йорн, верно?

Мне требуется секунда, чтобы его слова дошли до меня.

Он не узнает меня.

Ну, конечно же, не узнает. Минули месяцы, а мы знали друг друга всего несколько недель, и в то время я был чисто выбрит, мои волосы были значительно короче, я был облачен в богато украшенную броню и держал себя как командир.

Сегодня же я не кто иной, как конюх, переодевшийся в солдата. Я всего лишь Хок. Ну, в данный момент я, должно быть, Йорн.

Дастан наклоняется ближе, словно хочет поделиться секретом.

– Королевская стража не так беспощадна, как говорят.

Он считает, что я нервничаю из-за поединка.

– Мы в пути уже несколько недель, – продолжает Дастан. – Мои люди уговорили меня принять участие.

Получается, Рэн не с ним. Принц вряд ли бы покинул Замок Железной розы на несколько недель, а начальник королевской стражи вряд ли бы оставил его без защиты ради спортивного состязания.

Мы бездействуем слишком долго. В толпе начинает назревать недовольство.

Ноги, обутые в тяжелые ботинки, начинают свой безжалостный топот. С минуты на минуту народ начнет скандировать.

– Не отказывайся от поединка, – просит Дастан, принимая мое молчание за страх. – Я буду поддаваться.

Как я и предполагал, толпа начала скандировать: «*Дерись. Дерись. Дерись*». От всего этого сердце начинает биться чаще, и мое внимание обостряется.

Дастан кладет руку на рукоять меча и встречается со мной взглядом.

В его глазах читается вопрос.

Я коротко киваю ему.

Дастан начинает вытаскивать меч, и когда лезвие полностью высвобождается из ножен, в его лице мелькает узнавание.

– Йорн. Может такое быть, что мы раньше с тобой где-то виделись?

– Нет.

Мой меч, как старый друг, высвобождается из ножен, и я атакую быстро и сильно еще до того, как мой противник успевает подготовиться. Дастан едва успевает заблокировать удар. Наши клинки скрещиваются, и лязг металла разносится над ареной. Толпа радостно ревет.

Дастан быстро сдает позиции, пятясь назад в ожидании возможности нанести ответный удар. Он думал, что я буду отступать, что бой будет легким. Он недооценил меня, и за эту ошибку я бы сделал ему выговор, если бы до сих был его командиром.

Когда появляется возможность, Дастан идет в наступление с пылом, которого я от него не ожидал, и мне приходится отступать. Мое тело помнит приемы, помнит движения этого танца клинков. Когда мой противник делает ложный выпад, я отвожу лезвие его меча вниз, и мы отскакиваем друг от друга и начинаем ходить по кругу.

– Я точно тебя знаю, – говорит Дастан, и его взгляд темнеет от гнева. – Кто ты такой?

– Никто.

Меч Дастана поднимается, и я нападаю.

Он хорош. Намного лучше, чем я помню. Когда мы снова отскакиваем друг от друга, мои предплечья начинают ныть от усталости, которую Дастан вряд ли чувствует вообще. Час, проведенный на пыльной арене с Тайко, в подметки не годится тому времени, которое тратит на тренировки королевский гвардеец.

Должно быть, Дастан чувствует мою усталость, потому что его следующая атака слишком жесткая и стремительная, и от нее я падаю на землю. На языке я чувствую привкус крови и пыли. Я перекачиваюсь до того, как противник успевает прижать меня к земле, после чего подсакиваю и бью Дастана плечом в живот.

Я думал, что у меня получится сбить его с ног, но Дастан реагирует без промедления и хватает меня за броню, оборачивая мою силу в свое преимущество. Мы падаем на землю вместе. Дастан придавливает коленом мою ведущую руку еще до того, как я успеваю поднять меч.

Хороший прием, но я его знаю. Свободной рукой я выхватываю кинжал из-за пояса Дастана и направляю острие ему в горло. Дастан чертыхается и рывком отклоняется назад, тем самым освобождая мою вторую руку и теряя равновесие. Я иду в наступление и оказываюсь сверху, меняя наши позиции.

Дастан успеваает заблокировать своим мечом удар моего клинка, но преимущество все равно остается на моей стороне. Я наваливаюсь на командора, пока не возникает риск того, что он сам перережет себе горло. Мы оба тяжело дышим, но дыхание Дастана, скорее всего, сбилось от ярости.

– Скажи мне, кто ты такой.

– Довольно ловкий прием, – говорю я. – Тот, с броней. Кто тебя ему научил?

Он сильно напрягается, и под лезвием его меча появляется тонкая полоска крови.

– Если убьешь стражника, то лишишься головы, – цедит Дастан сквозь стиснутые зубы.

Он не единственный, кто так думает. Ликование толпы превратилось в озадаченный ропот.

Голос Уорвика разносится над трибунами, и звучит он при этом несколько сдавленно:

– Йорн! Позволь напомнить тебе, что мы здесь не деремся насмерть.

На другой стороне арены я замечаю какое-то движение. Стражники почувствовали, что их командор может находиться в опасности.

Я приставляю кончик кинжала к уязвимому месту прямо под подбородком Дастана.

– Скажи своим людям, чтобы они не подходили.

– Это он! – раздается голос трибун. Он кажется мне знакомым, но я не могу вспомнить, кому он принадлежит. – Это *он!* Я знал, что он жив.

Мое сердце замирает от страха. Дастан злобно смотрит на меня, но затем выражение его лица медленно меняется. Его злость превращается в недоумение.

– Командор Грей?

Мне нужно принять решение. Находящиеся между нами лезвия дрожат от усилий с обеих сторон.

– Не дай ему сбежать! – кричит голос.

– Я не твой командор, – говорю я Дастану.

– Но...

Я ударяю его в челюсть рукой, держащей кинжал. Это дает мне буквально секунду форы, но и этого достаточно, чтобы броситься обратно в узкий проход. Мимо моего плеча со свистом пролетает стрела и застревает в стене. За ней следует вторая, которая ударяет меня по броне и, не причинив никакого вреда, отскакивает в сторону.

Проход ведет во двор, но я хватаюсь за лестницу, приставленную к боковой стене, и лезу вверх, преодолевая две ступеньки за раз. Я оказываюсь на чердаке как раз в тот момент, когда стражники выбегают во двор. Под моими пальцами грязь и паутина. Я задерживаю дыхание. Мое сердце бешено колотится в груди, моля о воздухе.

Толпа на трибунах сходит с ума, и голоса множества зрителей эхом разлетаются по всей арене. Люди стараются убраться подальше, разбегаюсь в разных направлениях.

Как только люди оказываются на безопасном расстоянии, я начинаю ползти, пригнувшись к полу чердака.

Я нахожусь в части стадиона, противоположной той, где мы с Тайко спим над конюшнями. Если бы мне повезло, я мог бы доползти дотуда, спуститься в конюшни и ускакать на лошади еще до того, как хоть кто-нибудь поймет, что происходит.

Я вспоминаю о серебряном браслете, спрятанном в моем матрасе. Я могу исчезнуть без следа.

В любом случае, мне не везет. Чердак по эту сторону стадиона тянется всего лишь до оружейной. Мне придется слезть вниз и каким-то образом через толпу добраться до конюшен.

У меня уходит меньше десяти минут на то, чтобы прокрасться в пыльном полумраке до оружейной, которая оказывается пустой. Я практически бесшумно спускаюсь с чердака, но скрейвер вздрагивает и начинает стучать по прутьям решетки, шипя на меня.

Я игнорирую его и снимаю со стены ножи, которые засовываю в нарукавники, после чего еще два размещаю на ремне для меча.

Голос Уорвика гремит над гулом толпы, и его слышно через закрытую дверь.

– Конечно, командор, – в голосе мужчины слышится паника вперемешку с услужливостью. – Уверяю вас, я предоставлю вам любую помощь при необходимости.

Я скрываюсь в тени клетки скрейвера. Лестница на чердак стоит рядом с дверью, ведущей на стадион. Я попал в западню, которая оказалась еще более опасной, чем сама арена. Я чувствую, как сердце бьется в горле.

Скрейвер рычит, глядя на меня, и обнажает клыки. Его когтистые руки скребут по полу клетки. Я вспоминаю о том, как раззадоренное существо с легкостью порезало Кантору руку. Может быть, он сможет то же самое проделать со стражниками.

Я вытаскиваю кинжал и начинаю пилить им веревку, которая сдерживает дверь клетки.

Скрейвер перестает рычать.

Я дышу часто и громко, а чертовы веревки слишком толстые. В замке поворачивается ключ. Черт побери.

Скрейвер шипит на меня, затем шепчет: *«Быстрее»*.

Мои руки замирают. Я вскидываю голову, неуверенный в том, что я только что услышал.

Я встречаюсь взглядом с черными глазами.

По оружейной пронесится прохладный ветерок. Скрейвер царапает обратную сторону моей ладони своими когтями и рычит:

– Быстрее!

У меня нет времени думать о том, что все это значит. Я замахиваюсь кинжалом посильнее.

Веревка поддается. Дверь оружейной распахивается.

Скрейвер прыгает вперед и сбивает меня с ног. Выбравшись из клетки, он расправляет крылья и яростно кричит. Мужчины вопят и бросаются в рассыпную, пытаясь убраться с пути скрейвера и сталкиваясь с теми, кто пытается зайти в комнату.

Повсюду начинают разлетаться брызги крови, когда когти существа встречаются с обнаженной кожей.

Я бегу через потасовку обратно к лестнице и подтягиваюсь вверх.

– Скрейвер! – кричу я и присвистываю.

Я не жду, чтобы убедиться, что он следует за мной. Я просто бегу. Когда я снова оказываюсь рядом со двором, то не пытаюсь спуститься с чердака бесшумно. Я скатываюсь по лестнице кубарем и бегу из последних сил по пыльной дорожке, идущей вдоль стадиона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.